

*Боже, как давно это было,
помнит только мутной реки вода.
Время, когда радость меня любила,
больше не вернуть ни за что, никогда...*
К. Никольский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «РАННЯЯ ВЕСНА»

Ромке снится сон. Кама вскрылась, и по улице Гидростроителей, перевалив через серые бетонные стены шлюзов, мчится весёлая голубая волна. Солнце сверкает, отражаясь в окнах. Разбивается слепящими бликами в поющих струях. Ромка раскрывает створки окна и взбирается на подоконник. Свежий ветер треплет его тёмные волосы. Ошалев от весенней круговерти, Ромка бросается с головой в несущийся поток. Тут же выныривает и, оказывается, что он может мчаться над волной, как птица. А мощный поток уже бежит мимо приземистого здания кинотеатра, мимо школы, мимо домов и магазинов. Люди выглядывают в окна и, улыбаясь, желают Ромке счастливого путешествия. Он улыбается в ответ и машет им рукой. А поток тем временем переваливает через широкий проспект Мусы Джалиля, сваливаясь в низину, где стоит квадратный Дворец культуры, охватывает его волнами, бежит мимо стадиона и, сливаясь с узкой Мелекеской, с мощным рёвом раскидывается по полям за рекой. Ромка летит над бурлящей водой, и грудь его наполняет могущественное чувство свободы и радости. Вдалеке видны дома, стоящие вдоль Сармановского тракта. Волшебным образом один из этих домов — серо-голубая девятиэтажка — приближается. Ромка отчётливо видит окна, разноцветные занавески, людей в своих квартирах, обстановку внутри. Вдруг картинка размывается. Лишь одно окно остаётся перед взором Ромки. Оно открыто. Полощутся на ветру белые занавески. И стоит перед окном, глядя вдаль, девушка удивительной красоты. У неё яркие зелёные глаза. Волнистые длинные волосы цвета летних полей. Гордый нос с горбинкой. Губы, тронутые невидимой улыбкой. Мечтательно смотрит она куда-то далеко, далеко. А потом её глаза встречаются с ромкиными. «Рома, ты спишь... Ты спишь...» — говорит эта красавица, с нежностью глядя на Ромку. И волна накрывает его с головой...

— Ром, ты спишь? — слышит он знакомый голос, — Рома! Вставай, уже полдевятого!
Ромка разлепляет глаза. Ему совсем не хочется просыпаться.

За окном бушует март — с ярким солнцем, дробным перестуком капли, оплывающими сугробами и весёлым охлаждающим ветром.

— Доброе утро, мам! — потягивается в постели Ромка, — щас иду...

* * *

Ромка сидит на кухне и уплетает свою любимую гречневую кашу. Мама сидит рядом и с печальной нежностью смотрит на него.

— Какой же ты у меня большой уже. Наверное, девчонки влюбляются?

— Не знаю я никаких девчонок! — преувеличенно грубо отвечает Ромка, пряча глаза, — дуры они все, сами не знают, чего хотят.

— Ну-ну... Все, да не все. Вот, встретишь единственную — и влюбишься по уши.

— Делать мне больше нечего! — ромкины щёки становятся ярче красных полосок на клеёнчатой скатерти.

— Ладно, не бурчи! Дело молодое — семнадцать лет всего. Ещё успеешь навлюбляться, — сдаётся мама. — Кстати, ты не забыл, что мы сегодня к тётё Ире идём?

Ромка вспоминает, что у хорошей маминой подруги сегодня день рождения.

— Помню, ма. Слушай, а что мне там среди взрослых тусоваться? Неинтересно же. Может, я не пойду? Передать от меня тётё Ире поздравления.

— Ром, если идти, то идти вместе. Друзья тёти Иры тоже с детьми придут — примерно твоего возраста. И мальчики будут, и (мама выдержала эффектную паузу)... девочки.

— Ладно, — нехотя соглашается он, — сходим. Хоть торта поем.

* * *

Наташа, скрестив руки на груди, стояла перед окном и задумчиво смотрела вдаль. Под окнами мокро блестела дорога. За дорогой поле, ещё покрытое снегом, но грязный снежный покров уже оседает под лучами солнца. В небольшой низине, за полем — стиснутая льдом и придавленная мокрым снегом Мелекеска. На небольшом обрыве, как стадо на водопое, рассыпались старые домики. Деревня посреди города. За рекой массивной полукруглой громадой возвышалась многоэтажка. Она как бы нависала над деревенькой, грозя упасть на неё всей многотонной тяжестью, раздавить, снести с лица земли. Наташа вспомнила, что это десятый комплекс посёлка ГЭС. А мама живёт в посёлке ЗЯБ, в восемнадцатом комплексе. Есть ещё далёкая Сидоровка. И есть огромный Новый город с десятками комплексов, широкими проспектами, коробками домов, образующих правильные квадраты. Город — урок геометрии. Наташа усваивала этот урок трудно, с тоской вспоминая родной Малмыж, его жёлто-зелёные просторы, синеватую даль за бескрайними холмами, поля, радующие глаз. Окончив девятилетку, Наташа поступила на курсы экономистов-бухгалтеров. Бегала за два километра в техникум учиться. И теперь, когда закончила, встал вопрос: что дальше? В Малмыже — маленьком и бедном — перспектив никаких. И вот она у мамы в Набережных Челнах...

«Может, зря я сюда приехала, — думает Наташа. — Город давит на меня со всех сторон, как страшный сон, который теперь не кончится. Но мама права: здесь больше возможностей устроиться на работу. А работа мне, ой, как нужна! Бабушка со своей пенсией уже не может меня содержать, полпенсии на лекарства уходит. Маме тоже трудно: на двух работах работает, а получает мизер. Мне надо послать денежку, за квартиру платить, о себе тоже нельзя забывать. Так что, не зря она перетащила меня в Челны. Найду работу, не буду никому обузой. Но как же страшно! Одна в городе. Сестрёнка не в счёт — маленькая ещё, третьеклашка. Ни поговорить, ни посекретничать. Ни друзей, ни подруг... И Ваське ещё год служить...

— Натуль, — крикнула из кухни мама, — не сможешь мне с салатами? А я пока курицей займусь...

— Иду, мам!

На кухне жарко. Форточка широко распахнута, но из раскрытой духовки полыхает раскалённый воздух. Мама, раскрасневшаяся, со смешными завитушками на висках, ловко достаёт куриную тушку. Наташа, надев передник, режет яйца, колбасу, овощи.

Мама смотрит на Наташу изучающе.

— Ты какая-то смурная. Всё хорошо?

— Нормально. Привыкаю к городу.

— Привыкнешь. Город хороший. Большой, и молодёжи много. Друзей-подруг завёдешь, оглянуться не успеешь. И работу найдёшь. У одной моей знакомой вроде есть вакансия по твоей специальности. На следующей неделе обещала точно сказать. Всё будет хорошо, Натуль...

— Конечно, мам, — Наташа улыбнулась, с нежностью глядя на маму. — Спасибо, что помогаешь. Я привыкну...

— Не сомневайся. А что с Васей?

— Всё нормально. Присылает раз в месяц по письму. Уже двенадцать писем накопилось.

— Сама-то пишешь ему?

— Пишу.

— О том, что в город перебралась, тоже написала?

— Нет ещё, мам. Боюсь, если честно, как отреагирует...

— Не переживай, дочь. Если у вас любовь, то всё устроится, а нет, так и переживать не о чем.

— Мам, — Наташа ссыпала всё покрошенное в большую эмалированную миску, — может, мне пойти погулять? У тебя же гости все взрослые, что я буду среди вас малолеткой крутиться...

— Нет, нет, — воскликнула мама, всплеснув руками, — никуда не надо уходить. В городе шпаны достаточно, а фонари один через десять горят. А во-вторых, (мама загадочно сощурила глаза) я предупредила друзей, чтобы с детьми приходили. Дети у нас одного возраста.

Мама грациозно потянулась, встав на носочки, затем стремительно обняла Наташу и закружила её в танце.

— Завидую твоей молодости! Восемнадцать лет! Красавица! (Наташа фыркнула). Вся жизнь впереди. Ну, так что, гуляем сегодня? — красивые зелёные глаза тридцативосьмилетней женщины радостно сверкали — так же как наливное яблоко весеннего солнца за окном.

Наташа заразилась её настроением. В тон ответила:

— Гуляем! А чего не погулять!? Хоть торта поем...

Мама захохотала, а потом осеклась, вспомнив:

— Батюшки! А торт-то не купила — растяпа! Доделывай салат. Я — в магазин!

* * *

Ромка с мамой едут в трамвае. На маме изящное серое пальто с капюшоном, из-под которого выбиваются скрученные в крупные кольца локоны. Ромка в светлой куртке и тёмных брюках. Под курткой новый свитер, который мама недавно купила на рынке.

Железный клёкот трамвая, его плавные покачивания — убаюкивают. Небо за окнами начинает сереть. На город опускается покрывало сумерек. Ромке нравится это время. Ему уже подмигивает с высоты далёкая звезда. Ромка переводит взгляд на

мелькающий за окном город. Дома, магазины, остановки, люди, машины — всё немного трясётся в такт трамваю. Ромка отмечает взглядом остановки. Уже «Центральная». За ней будет мост, и слева будет видно, как пробегающая под мостом Мелекеска огибает Элеваторную гору и впадает в Каму. Трамвай натужно взывает электрическим нутром и взбирается по наклонной дуге моста. Река спрятана подо льдом и снегом. Но у берегов уже видны довольно широкие промоины. Ещё чуть-чуть и тёплая сила взорвёт изнутри лёд. Ромка думает о смене времён года. Ему кажется странным то, что каждый год всё повторяется, но повторяется всегда по-новому. Эти метаморфозы — дело рук природы? Или мы сами меняемся и воспринимаем всё по-другому каждый раз? Странно: всё вечно и всё конечно одновременно.

Ромка смотрит на маму. Та мечтательно склонила голову и тоже смотрит в окно на пролетающий в вечерних сумерках город. Глаза у мамы, подёрнутые лёгкой дымкой, задумчивые. «Красивая у меня мама, — думает Ромка, — зря они с отцом развелись. Чего не жилось?» Сперва было хорошо. Он не помнит всего, но в голове складывается как из пазлов, общая картинка их семейной жизни картинка ярко-жёлтая, с оттенками зелёного и синего. Как лето. А если сравнивать с музыкой, то похоже... на гимн Советского Союза, что звучал в шесть утра каждого нового дня из радио. Важный, бодрый, надёжный. Лишь иногда в общую мелодию семейного гимна вкрадывались нотки непонятных и некрасивых мелодий. Это бывало, когда отец напивался и ругался с мамой. Ромке тогда хотелось убежать, скрыться куда-нибудь далеко. Когда такое стало повторяться чаще и чаще, мама, забрав Ромку и его маленькую сестрёнку, переехала на ГЭС, к своей маме. Странные игры странных взрослых...

— Ну, вот и приехали, — мама кивает в сторону выхода.

Ромка узнаёт остановку. «Дом обуви». Они выходят. В вечернем воздухе пахнет талым снегом и ещё чем-то ещё несбывшимся.

— Возьми меня под руку, скользко, — говорит мама.

Они шагают, обходя подмёрзшие к вечеру лужицы.

— Ты ведь ещё не был у тёти Иры? — спрашивает мама. — Нам надо пройти по Сармановскому тракту. Тётя Ира у нас была, тебя знает, а вот ты её дочку ещё не видел.

Словосочетание «Сармановский тракт» из уст мамы точит Ромкину душу смутным предчувствием. Они идут по этому самому тракту мимо сырых от влажности длинных пятиэтажек, мимо располагавшихся на первых этажах магазинов, дарящих полоски света проходящим мимо путникам. Кто-то идёт навстречу, кому-то идут навстречу они. Ряд серых пятиэтажек кончается, возникает перекрёсток, и за ним Ромка видит высотку: цвет её светло-коричневый, тёплый, а пролёты общих балконов закрыты белыми панелями, но они не сплошные, а с узорчатыми прорезями в виде ромбиков. Интересный вид, красиво. Мама, уловив Ромкин взгляд, комментирует: «Казанцы строили. В целом ведь разные бригады, из разных городов приезжали. Всесоюзная стройка была. Столько народу! — мама вздыхает, вспоминая. — В Новом городе, где мы жили, там москвичи строили, недаром и адрес у дома такой».

Ромка вспоминает: «Точно! Четырнадцатизэтажка. Бульвар Главмосстроевцев, шесть. По комплексу восемнадцать-дробь-одиннадцать». Но пока он так думал, из-за казанской высотки показалась длинная серо-голубая девятиэтажка. За ней — ещё одна высотка. Брат-близнец первой. А за ней опять девятиэтажка, как две капли воды похожая на ту, мимо которой они сейчас идут. Типовая застройка. И тут волна узнавания обдаёт сердце Ромки! Ведь именно эти дома он видел во сне! Точно! Свечи высоток. А между ними — девятиэтажки, словно корабли, стоящие в шлюзах. И этот самый дом. Вот же он!

— Кажется, этот, — шурит глаза мама на вывеску с адресом, — да, точно. Восемнадцать/тридцать один. Пошли, — и она сворачивает во двор.

Ромка поднимает глаза вверх и видит одно окно в середине дома, вспыхнувшее ярким светом. Светом волшебства из недавнего сна.

Потом — подъезд, лифт, выход налево, квартира 62, звонок, дверь открывается, Ромку ослепляет свет и оглушает звук. Их встречают, взрослые убегают на кухню, а Ромка, неловко поправляя свитер и одёргивая брюки, открывает застеклённую дверь залы. В комнате полутемно. Верхний свет выключен. Горит экран телевизора, горят свечи в красивых подсвечниках на столе. Этот свет омывает силуэт девушки на фоне окна. Она стоит спиной. Ромка охрипшим от волнения голосом говорит «здрате». Девушка поворачивается. У Ромки перехватывает дыхание. Окаменев на месте, он понимает, что к нему только что повернулся лицом его сон.

* * *

Наташа нервничала. Сама не понимала из-за чего. Вроде, мамин день рождения — радоваться надо, а она... Совсем доконал её этот переезд.

В прихожей затрещал звонок. Наташа не стала выходить из зала, но тут скрипнула дверь, кто-то вошёл в комнату, послышалось негромкое «здрате». Наташа обернулась.

В проёме стоял парень. В белом свитере, тёмных брюках. Тёмные, коротко стриженные волосы с непослушным вихром, широко раскрытые глаза, глядящие прямо на неё. И мерцание свечей в этих самых глазах. Самое подходящее определение, которое пришло в голову Наташе — интеллигентный. Потом мысли словно сорвались с привязи и помчались галопом. Высокий! Симпатичный! Как смотрит! Неожиданно охрипшим голосом она сказала:

— Включи свет. Темно.

Парень повертел головой, отыскивая взглядом выключатель. Комната озарилась светом. Они стояли и смотрели друг на друга. Оба — смущённые. Наконец, Наташа, будто очнувшись от сна, провела рукой по волосам, закидывая их за ухо.

— Садись, чего стоять?..

Парень выбрал место в углу комнаты, сел в кресло, положив ладони на подлокотники. «Красивые руки», — подумала Наташа, но тут же себя одёрнула. Села на тахту возле телевизора, наискосок от парня. Он смущённо разлядывал убранство комнаты, мельком задерживая взгляд на Наташе.

— Ну... Это... Ты с кем пришёл? — неуверенно начала она.

— С мамой. Они подруги с твоей мамой, — и поняв, что сказал что-то не совсем умное, вконец смутился и опустил голову. Наташа улыбнулась.

— А как твою маму зовут?

— Люда.

— Ну, а тебя-то самого как?

— Роман... — ответил он. Потом подумал, что это звучит как-то высокопарно, и добавил, — можно Рома, или вообще Ромка...

— А я Наташа. Что ж, будем знакомы... (она сделала паузу, как бы выбирая из нескольких вариантов) Рома.

— Да. Будем... Наташа...

* * *

Ромка сидит в кресле и нервно тискает подлокотники. Необходимость что-то говорить, как-то поддерживать разговор сводит его с ума, потому что Наташа всё время

смотрит на него, прожигая своими зелёными рентгенами. Ромка мучительно и безуспешно думает, что бы такого сказать, как прервать затянувшуюся паузу. Его спасает именинница, которая с шумной толпой гостей врывается в залу со словами:

— А чего это вы скаучаете здесь? Познакомились уже? Вот и прекрасно! Прошу — за стол!

Ирина суетится, рассаживает всех по местам, начинается обычная неразбериха застолья. Наконец, всё разложено, всё разлито, все сидят как надо, все застывают в ожидании первого тоста. Один из мужчин встаёт и, подняв бокал, начинает: «Дорогая Ириночка! Мы тебя знаем давно, и даже дольше... и позволь нам выразить...» Ромка ничего этого не слышит. Он смотрит на Наташу, которая сидит рядом с мамой и слушает тост, чуть склонив голову. Наташа необычайно красива. Светлые волосы изящно обрамляют её скулы, щёки, немного заострённый подбородок, рассыпаются тяжёлым золотом по плечам. Из-за того, что она наклонила голову, её лицо немного в тени, но блики от фужеров и хрусталия пробираются в эту тень и кажется, что как бы подсвечено неземным, нереальным светом. Вдруг она поднимает взгляд на Ромку. Тот смущённо отводит глаза, но потом, как бы притягиваемый невидимым магнитом, снова поднимает их, и снова встречается жгучий как лазер зелёный взгляд. Ему становится жарко. Да и лицо Наташи — то ли от жары в комнате, то ли от чего-то ещё — тоже наливается румянцем. Она что-то говорит маме на ухо. Мама утвердительно кивает головой. Наташа встаёт, подходит к Ромке, наклоняется и говорит ему на ухо: «Пойдём в мою комнату. Чего тут со взрослыми сидеть?»

Они выходят из зала, Ромка идёт за ней по коридору, и в голове его царит полнейший сумбур. И странный сон, и неистовый март, и звёзды в окне, и прекрасная девушка, словно вынырнувшая в реальность из грёзы, и дурманящий запах, идущий от её волос, лёгкая походка, гибкое тело, угадываемое под свитером и длинной юбкой — всё это крутится в каком-то разноцветном волшебном калейдоскопе, складываясь в удивительный узор.

— Надеюсь, ты собак не боишься? — вдруг спрашивает Наташа, остановившись перед дверью второй комнаты.

— Ну, не то, чтобы очень, — невпопад отвечает Ромка, — меня в детстве как-то болонка покусала. Так что если у тебя там маленькая злобная болонка, то я в ужасе.

Он изображает на лице гримасу, которая должна была означать крайнюю степень испуга. Наташа весело смеётся.

— Нет, не болонка. У нас живёт огромный пёс без определённой породы. Заходи.

Она открывает перед Ромкой дверь. Перед ним вырастает Грей, который тут же принимается обнюхивать его со всех сторон. Ромка стоит, не шевелясь. Наташа, улыбаясь, смотрит на эту немую сцену.

— Погладь его за ухом. Не бойся.

— Я и не боюсь, — Ромка осторожно опускает руку на голову собаки, чешет за ухом. Грей тычется носом в его ладонь, Ромка чувствует на коже шершавость собачьего языка. Наташа произносит строгим голосом:

— Грей, свои! Иди на место! Сидеть!

Грей лижет ей руку, трётся о ногу и отправляется в угол, где, покрутившись несколько раз вокруг себя, наконец, укладывается, внимательно наблюдая за Ромкой. Ромка с любопытством озирается вокруг. Ну, конечно, понятно: типичная девчоночья комната. Одежда на обеих кроватях светло-розовых тонов, с рюшами. Занавески — в цветочек. Над столом — зеркало. Вокруг него — приколотые английскими булавками к обоям открытки с цветами, вырезки из журналов с певцами и певицами. На столе горит лампа-абажур, верхний свет выключен. Полумрак. И в этом полумраке, как

наваждение, стоит видение с сияющими глазами. Ромка опускает глаза, тщательно рассматривая ковёр под ногами. Потом перемещается к книжной полке, где помимо книг стоят стопками кассеты.

— Что слушаешь? Какая музыка нравится? — спрашивает Ромка.

— Да всякая. По настроению. Хотя, — Наташа задумчиво поднимает глаза вверх, — Никольский очень нравится. Слышал? Группа «Воскресенье».

— Может, слышал, — не припоминает Ромка, морща лоб.

— Ну, это: «мой друг, художник и поэт...» Не помнишь? Или это: «о чём поёт ночная птица... тара-ра-ра-ра-рарарам».

— А.. Ну да, что-то слышал. Мне больше «Кино» нравится. «ДДТ» ещё. И «Наутилус».

— Мне тоже некоторые песни нравятся, — Наташа вдруг встряхивается, — а давай я тебе поставлю Никольского. Хочешь?

— Давай, — соглашается Ромка.

— Садись, — Наташа показывает на кровать, Ромка садится, а она принимается доставать с полки кассеты, искать нужную. Потом из стола извлекается переносная «Романтика», Наташа колдует над кнопками, и наконец...

Забывтую песню несёт ветерок,

Задумчиво в травах звеня,

Напомнив, что есть на земле уголок,

Где радость любила меня...

Наташа садится рядом с Ромкой. Она совсем близко. Её волосы почти касаются ромкиной руки. Ромка поворачивает голову, видит наташин профиль. Она неслышно подпеваёт словам песни. Ромка наблюдает за движением её губ. Наташа поворачивается, смотрит на Ромку и улыбается.

— Нравится? — спрашивает она.

Он не сразу понимает, о чём вопрос, но согласно кивает.

Наташа встаёт, убавляет звук.

— Я ещё танцевать очень люблю, — вдруг признаётся она.

— Что-то конкретное? Бальные? Или...?

— Да нет. Своё. Просто слушаешь музыку, и тело само начинает двигаться.

— А я ходил как-то на бальные, — тоже признаётся Ромка.

— Серьёзно!? — Наташа оценивающе смотрит на него.

— Ну, как ходил... Было дело...

И Ромка залпом выдаёт ей свою историю. Как одноклассник уговорил его пойти поглазеть на девчонок из студии танца, которая располагалась в их школе. Как он согласился. Как они пришли, а одноклассник (жучара!) оказывается, привёл его не для того, чтобы на девчонок любоваться, а просто-напросто сдал его руководительнице, как ещё одного ученика. Как Ромку тут же взяли в оборот, поставили в пару с долговязой татарочкой, а она оказалась девчонкой из его группы в детском саду, которая была в этом детском саду в него влюблена. Как дальше начался кошмар тренировок: «Лодочкой по квадрату, раз-два-три, раз-два-три!» Как он старался и, вроде даже, делал какие-никакие успехи. Как однажды объявили, что они будут танцевать на школьном осеннем балу. И как он сбежал после этого объявления, чтобы уже никогда не возвращаться к бальным танцам.

— А чего сбежал-то? — хохоча, спрашивает Наташа.

— Что я, дурак что ли!? Чтобы пацаны меня потом засмеяли!

— А чего сразу-то не ушёл? В самый первый раз?

— Из-за чувства ответственности.

Наташа долго смеётся. Её глаза блестят. Ромка тоже улыбается. Ему приятно, что он её развеселил. Они сидят. Слушают песни Никольского. Разговаривают. Наташа рассказывает о своей жизни в Малмыже, о переезде в Челны, о своей маме. Ромка слушает. Потом рассказывает о себе. Как они живут у бабушки с мамой и сестрой («ой, и у меня сестра!»), как в четырнадцать лет попал в молодёжную группировку (Наташа слушает с широко раскрытыми от ужаса глазами), как развелись родители (Наташа тоже грустнеет, становится задумчивой). «Ну, вот, — думает Ромка, — сперва развеселил девушку, а теперь опечалил. Рассказчик, блин!»

— А у тебя есть девушка? — неожиданно спрашивает Наташа. Ромка теряется до того, что не сразу отвечает.

— Э.. Нет. Девушки нет, — потом, как бы оправдываясь, говорит — была, но давно. Как-то не получилось. А у тебя есть кто-то? — он задаёт самый сокровенный вопрос. Ведь не может у такой красавицы не быть никого. У такой девушки, наверняка, куча поклонников, и уж точно есть парень. Наташа как-то сразу вдруг сникает, долго смотрит в сторону, потом снова глядит на Ромку.

— Тоже был. Давно.

Тут дверь приоткрывается, и в комнату просовываются две головы. Это их мамы. На шею тётки Иры висит разноцветный серпантин. Обе смеются.

— Не помешали? — хохот. — Ну, как проводите время?

— Хорошо, — одновременно отвечают Ромка с Наташей, смущённо переглядываясь.

— А уже все расходятся потихоньку, — констатирует тётка Ира.

— Да, сынок, тоже надо уже собираться, — добавляет Ромкина мама.

Ромка с сожалением смотрит на Наташу. Той тоже явно не хочется, чтобы он так быстро уходил.

— Ну, надо, так надо, — бурчит под нос Ромка и встаёт.

Наташа выходит вслед за ним в прихожую. Её мама уже проводила последнюю пару гостей и что-то кричит им вслед, наполовину высунувшись в дверь. Затем заныривает обратно, смотрит на одевающихся Ромку и свою подругу, на грустную Наташу, и вдруг заявляет:

— А мы вас пойдём провожать!!! Наташ, собирайся!

Они выходят вчетвером в подмороженный мартовский вечер. Навстречу им бежит наташина сестрёнка Яна, отпущенная к подруге на время застолья. Тётка Ира отчитывает её, дескать, долго засиделась, потом говорит, что оставленный для неё кусок торта в холодильнике, и сестрёнка, смешно трясая косичками, забегает в подъезд. Тётка Ира с ромкиной мамой идут, взяв друг друга под руки, Ромка с Наташей идут чуть позади. На асфальте, успевшем обнажиться от солнечного тепла, сейчас сверкают ледяные крошки изморози. Ромка поднимает взгляд. На чёрном бархате неба тоже изморозь. Звёздная. Ветер щекочет щёки, забирается под воротник. Ромка идёт молча. Как и Наташа. Иногда он поглядывает на неё. Она вся как будто во власти какой-то неизвестной никому думы. Проезжают редкие машины, шурша шинами по стьлому асфальту, стирая в пыль ледяную крошку. Где-то грохочет по замёрзшим рельсам трамвай, и металлический звук далеко разносится в вечернем воздухе. Ромке хочется бесконечно идти рядом с Наташей. Но ничто не длится вечно. Наконец, приходят на остановку. Мамы стоят, приплясывая, подняв воротники. После тепла застолья им холодно. Ромка смотрит то вдаль, то на Наташу. И она глядит прямо ему в глаза с каким-то страдальческим выражением.

— Ну, вот и трамвай, — говорит мама Ромки. — Ирочка, всего тебе самого-самого! Ещё раз с днём рождения!

— Ты придёшь ещё? — вдруг спрашивает Наташа.

Ромка смотрит на Наташу, на лице которой чувства меняются, как слайды: и сомнение, и желание, и боль, и радость... И надежда. Наташина мама, отрываясь от обнимающей её подруги, странно смотрит на дочь, потом на Ромку.

— Конечно, приду, — отвечает он и улыбается Наташе. — Пока!

Они с мамой заходят в заднюю дверь трамвая. Мама сразу же садится на свободное место, а Ромка подходит к стеклу. Двери закрываются и, дёрнувшись, трамвай начинает движение. Ромка смотрит в окно. На тускло освещённом пяточке остановки стоит его воплощённый сон. И уже непонятно: то ли сияющие глаза Наташи светятся в темноте, то и две звезды сияют на небе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ЖАРКОЕ ЛЕТО»

Ромка выполнил своё обещание и пришёл к Наташе на следующий день. Он долго думал, во сколько лучше прийти: до обеда, после обеда или вечером. А хотелось — с утра. Но до обеда, пожалуй, было рановато и не очень культурно. «Не стоит докучать людям ранними визитами».

Ромка боялся себе признаться, но он отмёл мысль об утреннем визите ещё по одной причине. Он очень боялся оставаться наедине с Наташей. Его волновала её близость. Её запах. Её взгляд. Звук её голоса.

«Наверное, лучше всего будет прийти в то же самое время, в какое мы пришли вчера с мамой — часиков в семь вечера. Все будут дома, ну, или, по крайней мере, её мама». С другой стороны, Ромка переживал — что скажет мама Наташи по поводу его появления. Он заметил вчера её взгляд, которым она поглядела на дочь, когда та пригласила Ромку прийти. Взгляд... Не строгий, вроде, но какой-то удивлённый, вопрошающий. Но Ромку тянуло туда. Он вспоминал вчерашний вечер, в мыслях окунаясь в атмосферу полумрака, музыки, наташиного голоса и своих ощущений. Ему хотелось испытать это ещё раз. И ещё. И ещё...

Он еле дотерпел до шести вечера. Ходил мимо часов, нетерпеливо посматривая на циферблат, словно взглядом хотел заставить стрелки бежать быстрее. В шесть он торопливо начал собираться. У его мамы была первая смена (она работала воспитательницей в детском саду), мама была дома и, заметив ромкину нервозность, а затем и сборы, спросила:

— Куда это ты собрался?

— К Наташе в гости. Она меня вчера пригласила, — скороговоркой ответил Ромка, шнуруя кеды.

Мама, прислонясь к дверному косяку, внимательно смотрела на Ромку. Вздохнула. Потом, словно решив в уме какое-то сложное уравнение, сказала:

— Пожалуйста, долго не ходи. Я волнуюсь за тебя. И... — она помедлила, словно подыскивала подходящее выражение, — будь аккуратнее с девушкой.

— В смысле? — удивлённо поднял глаза Ромка.

— В таком вот смысле! Подрастёшь — поймёшь. А пока просто слушай старших, — мама как-то устало улыбнулась.

— Не переживай, ма! Я же джентльмен, — широко улыбнулся Ромка.

— Иди, давай, жентльмен! — передразнила мама, с непонятной грустью смотря на взрослеющего сына.

Ромка летел как на крыльях. Сам не заметил, как оказался у подземного перехода, через который надо было перейти, чтобы попасть на остановку. По пути, щурясь на яркое закатное солнце, он весело улыбался прохожим, и те, косясь на подростка,

в конце концов, не выдерживали, и улыбались в ответ. Ромкин сон сбывался на глазах. Он спешил к девушке, которую ещё вчера не знал, но которую, кажется, ждал давным-давно, которую чувствовал сердцем. Спустившись в прохладную тень перехода, уже через полминуты он вновь вынырнул на улицу. Тут же загрохотал трамвай, и Ромка, взлетев по его ступенькам, уселся справа, чтобы, когда трамвай заедет на мост, ещё издалека увидеть серо-синий уголок дома, ставшего теперь для него центром мироздания. В мельтешении яркой одежды прохожих, разноцветных машин, сине-зелёного вечернего неба, белых ветреных облаков и зажигающихся звёзд он преодолел длинный отрезок Сармановского тракта, кажущийся сейчас таким коротким. И, наконец, вот он, долгожданный дом восемнадцать-тридцать один, третий подъезд, скрипучий лифт (что ж ты так долго едешь-то!?), седьмой этаж, шестьдесят вторая квартира, звонок... Лёгкие шаги... Сердце Ромки готово было выпрыгнуть из груди, так сильно оно колотилось о рёбра. Он глубоко вздохнул. Дверь открылась. В светлом прямоугольнике двери стояла она. Наташа. Немного склонив голову набок, она смущённо смотрела на Ромку. А тот, как вкопанный, застыл на пороге. Его душа готова была вылететь вон из тела и, пробив многотонную грудку бетона и металла, вырваться в небо вместе с той, что открыла ему дверь.

— Привет! — просто сказала Наташа, — входи.

Дни замелькали, как быстрая карусель. Солнце играло в синем небе и щедро дарило свой жар оживающей земле. Мутные потоки ручьёв неслись вдоль тротуаров и пенились водоворотами над забытыми ливнёвками. Весна раздевалась сама и раздевала одуревших от прелого тепла челнинцев. Все давно снимали шапки, хотя был только апрель, но ходили в расстёгнутых куртках, пальто, шубах, на ходу отдуваясь и сверкая на солнце распаренными лицами.

* * *

Так начались практически ежедневные визиты Ромки к Наташе. Он не знал, как это назвать: свидания? прогулки? общение? Они то гуляли по апрельскому городу, наслаждаясь ярким солнцем и свежим ветром, то сидели дома, когда погода была «нелётная» — пили чай, разговаривали, слушали музыку. Одно было несомненно: Ромка испытывал ни с чем несравнимую радость. И радость для него была не просто эмоцией, переполнявшим душу чувством. Радость имела имя. У Радости были зелёные искрящиеся глаза и смех, напоминавший журчание ручья или переливы колокольчиков. И теперь, когда он слышал ту самую песню, которую она включила на дне рождения мамы, для него это были не просто слова песни, он знал, что эта песня о нём, о его радости.

Любовь... Раньше он не особо-то задумывался о том, как она приходит и как проявляет себя в жизни. Он, конечно, читал разные книжки, в которых описывалась первая любовь, но в них всё было по-другому, не так, как у него. Местами было похоже, но в целом ему приходилось самому постигать таинственную карту волшебной страны под названием «любовь к девушке». В книжках герои совершали подвиги ради любви, отправлялись в немыслимо-далёкие путешествия, добывали то, чему нет названия, ради любимых. Одним словом, что-то делали. Ромка не мог сказать про себя и про Наташу, что они что-то делали. Они просто проводили время вместе. Они скучали друг по другу, когда не было возможности быть вместе. Они узнавали друг друга в долгих разговорах и в молчании. Любовь для Ромки стала не поступком, а непонятной волнующей смесью из запахов, световых пятен, звуков, картинок и ассоциаций. Она стала тем, что он строил внутри своей памяти великолепный замок с развевающимися на ветру знамёнами. Замок памяти о Любви. Замок самой Любви.

Замок Радости. Он приходил к Наташе, и когда она открывала дверь, он видел её силуэт; бьющее из окна солнце превращало копну её длинных волнистых волос в светящийся нимб. Солнце просвечивало сквозь халат, и Ромка смущённо отмечал под ним изгибы её стройного тела. Солнечный ответ ложился на обои в прихожей, они загорались золотом, и в этих золотых лучах танцевали золотые пылинки. Выбегал Грей, и солнце лизало его густую рыжеватую шерсть, сверкало бликами в его коричневых глазах. Всё это сохраняла память Ромки. Сохраняла она и вкус чая, что готовила им наташина мама, вкус самодельных печений, что пекла Наташа, ощущение от тёплого фарфорового края чашки, к которому он прикасался губами. Звуки квартиры: Янка играет с Греем, тот довольно порывивает, мама гремит посудой, лёгкий шелест наташиных тапочек, когда она вскакивает и убегает, чтобы что-то взять в соседней комнате и принести на кухню. Даже волосы у Наташи звучали, как казалось Ромке, стремительным вальсом, когда она так же стремительно двигалась, спокойным ноктюрном, когда она опускала голову, задумавшись о чём-то, шелестом листьев при ветре, когда она звонко смеялась.

Мама Наташи поначалу беспокоилась за дочь, но, видя, как та расцвела и раскрылась, понемногу перестала тревожиться. Иногда думала она о неизбежном финале, о том, каков он будет, но не решалась расстраивать дочь разговорами об этом. В конце концов, она решила, что пусть всё идёт, как идёт, и вмешиваться в отношения двух влюблённых ей не стоит, а если что и случится, то они сами разберутся. А влюблённые летали на крыльях своей любви. Отяжелённые священным безумием ресницы смыкались поздно, они не в силах были расставаться, но когда всё же приходилось отрываться друг от друга, то каждый в темноте своей комнаты ещё долго шептал имя другого, мечтая о его приходе во снах. Так прошёл апрель, и минула первая половина мая. Ромка с Наташей и не заметили, как налились почки на деревьях, как зелёным пухом обросли кроны городских деревьев, как стаял блёкло-серый снег, унесясь в виде сточной воды в ливнёвки, как очистились ото льда могучая Кама и её младшая сестра Мелекеска. Для Ромки время стало течь в категориях «ожидание встречи с Наташей» и «встреча с Наташей». Если первое длилось мучительно долго, стрелки словно вязли в чёрточках минут и часов, то второе пролетало как миг, Ромка не успевал и оглянуться, как уже надо было отправляться домой. Такая несправедливость до того угнетала его, что он готов был ночевать на скамейке у подъезда Наташи, чтобы увидеть её с утра пораньше и быть с ней как можно дольше. В общем, говоря словами любимого ромкиного классика, «любовь выскочила перед ними... и поразила их обоих»¹.

* * *

- И когда ты уезжаешь? — Ромкин голос был полон грусти.
- Завтра, Ром, — Наташа, волнуясь, взяла его руки в свои.

Позвонила бабушка, передала слова директора техникума о необходимости приехать, забрать документы, которые по какой-то причине не выдали сразу по окончании. И теперь Наташа должна ехать в Малмыж уладить это дело, да и с бабушкой надо побыть, может быть помочь чем-то. Наташа путано объясняла это Ромке, её сердце тоже разрывалось от близости разлуки. Она смотрела в его карие глаза цвета крепкого чая в прозрачной кружке — и таяла от того тепла, которое они излучали. Сейчас они были как спущенные по случаю траура флаги.

¹ Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

— Ромочка, милый, мне и самой так неохота уезжать. Просто нужно это сделать. Я ведь на недельку всего, не больше.

— Понимаю, Наталья (ему очень нравилось её так называть). Я подожду. Буду скучать.

Наташа чуть не плакала. Стремительно чмокнув его в щёчку — чтобы самой не расчувствоваться — она поднялась со скамейки около подъезда, где они сидели, и скрылась в его тёмном зеве. Ромка ещё немного посидел, глядя ей вслед, словно пытался проследить её путь через толщу бетонных блоков, потом уныло встал и поплёлся домой по вечернему Сармановскому тракту. Уже не так ярко сияли окна домов, не так весело гудели машины, даже далёкий трамвай грохотал по рельсам не звонко, как всегда, а приглушённо, словно чувствовал разлитую в воздухе печаль.

Наташа зашла домой. Навстречу ей из кухни вышла мама в переднике. Из комнаты выбежал, виляя хвостом, Грей, но тут же, почувствовав настроение хозяйки, прижал свой хвост и сел у стены.

— Случилось что? — мама вытирала руки о передник.

— Да, ничего, мам, просто Ромке сказала, что завтра на неделю уезжаю.

Мама внимательно посмотрела на дочь.

— Ну, ничего страшного, правда, ведь. Неделя — не год. Опомниться не успеете, как снова увидите.

Потом, словно разглядев в дочке что-то тревожащее, гложущее её, но по взаимному согласию не озвучиваемое вслух, она подошла к ней, обняла, спрятав её лицо у себя на груди.

— Ох, дети, дети...

Наташа высвободила лицо. Заплаканные её глаза вопрошающе глядели во встревоженные мамины.

— Что мне делать, мам, а? Я его люблю...

* * *

Двести километров. Через четыре часа — Наташа в Малмыже. Автобус остановился на перекрёстке, возле заправки. Она, поблагодарив водителя, вышла. Вдалеке, на взгорье, стелился своими низкими домишками родной городок. Наташа глубоко вдохнула и, закинув на плечо сумку, пошла в город. Майский тёплый ветерок трепал её волосы, закидывая их назад, нежно обдувая шею. Над Малмыжем раскинулась бездонная синева неба с редкими белыми барашками облаков. Слева и справа зеленели бескрайние поля, над которыми, как волны, вздымались бурые груды холмов. «Как хорошо! — подумала Наташа, — и пусть это звучит пафосно, но здесь — моя Родина! Это не Челны с бешеным ритмом, шумом и стрессами. Как здесь тихо, хорошо, спокойно». Но она тут же вспомнила о Ромке и её радость от встречи с родными местами стала гаснуть, уступив место тревожным мыслям. Наташа впервые в жизни полюбила так ярко, так безоглядно. «А что дальше? Рано или поздно придётся раскрывать карты...».

Размышляя о грядущем и неизбежном, она сама не заметила, как подошла к бабушкиному дому. Отворив калитку, Наташа прошла по выложенной плиткой дорожке к деревянному крыльцу, поднялась по нему и постучала в старую, со следами облешей краски, дверь. В глубине дома раздались шаркающие шаги:

— Ой, батюшки! Наташа! Красавица моя! Не узнать! — запричитала-заохала она, принимая у Наташи сумку. — Проходи, проходи. Есть будешь? У меня сегодня пи-рожки с капустой.

— Буду, ба, буду, — отозвалась Наташа, обнимая бабушку.

Потом сидели в уютной кухонке, где на окнах красовались белые узорчатые занавесочки, в тёплом воздухе пахло деревом и пыльным ковром, от печки исходило ещё неыветрившееся с утренней топки тепло (хоть и май, а всё ещё холодно бывает), лениво мурчала рыжая кошка.

— Ну, рассказывай, рассказывай! — требовала бабушка городских новостей. И Наташа рассказывала. О маме. О сестрёнке и её успехах в школе. О поисках работы. О том, что пока она у мамы на шее сидит. О самом городе — большущем и немного пугающем своими размерами. О Ромке она не стала ничего говорить. Бабушка сидела, сложив узловатые руки на передник, смотрела в рот Наташе, охала, ухала, смеялась, хмурила брови. И любовалась Наташей — такой юной, такой цветущей. Такой, какой и она когда-то была, и какую её безумно любили двое парней, и как тяжело ей было сделать выбор между ними. Она запечалилась в нахлынувших воспоминаниях, потом, словно очнувшись от сна, спросила:

— Васька-то пишет? Ждешь его?

Наташа осеклась. Яркий румянец — то ли от натопленной избы, то ли от внутренне-го волнения — проступил на её лице. Несколько секунд поколебавшись, она ответила:

— Ну, так... Переписываемся...

— К родителям-то его сходи, навести.

— Может, схожу, ба... Слушай, что-то я устала с дороги. Я отдохну немного, ладно. Мне ещё надо вечером с девчонками из группы встретиться.

— Молодёжь, молодёжь, — покачала головой бабушка, — не сидится вам дома. Конечно, отдыхай, потом иди. Звонила одна уже, спрашивала во сколь автобус приезжает. Ждут, не дождутся твой подружайки.

— Я тебя люблю, ба! — рассмеялась Наташа и с нежностью прижалась лицом к её морщинистой щеке.

Вечером, в плавно опускающемся на Малмыж розовом закате, Наташа гуляла с Алёнкой и Танькой, с которыми она училась в Савалях. Подружки хлопали своими густо покрашенными ресницами, поджимали розовые губки, слушая рассказы Наташи о Челнах. Они ни разу не были в таком большом городе («целых пятьсот тыщ!»), и дальше Вятских Полян никуда не выезжали. Поэтому засыпали Наташу вопросами: «А девчонки там в чём ходют? А парни там красивые? А не страшно, что трамвай задавит? А чо, я слышала! А с работой как? Устроилась уже куда-нибудь?» И, наконец, дошло до главного: «Нашла там себе, поди, кого-нить?» Наташа не знала, что сказать. С одной стороны, ей так хотелось поделиться с подругами своей тайной, своими чувствами, переживаниями. Хотелось рассказать о том, как летает душа, когда Ромка смотрит на неё. Как стонет тело, как сладкая дрожь пробирается от пальцев ног всё выше и выше, когда он касается её руки. Как красивы вечера в Челнах, ничуть не хуже, чем здесь, если в сгущающихся лиловых сумерках тебя провожает домой любимый человек. Но она знала, что об этом говорить нельзя. Иначе, то светлое и большое, что она чувствовала внутри себя, растопчут, унизят банальной насмешкой, дешёвой завистью. И самое главное, ЭТО станет известно всем. В том числе, и Васе. А она ещё не была готова сказать — ни ему, ни Ромке. Совсем не готова.

На следующий день, собравшись идти в Савали за документами, она вышла к трассе. На остановке стояли родители Васи. Оба в рабочих одеждах, у отца в руках завернутая в холстину лопата, у матери сумка-тележка. Наташа поздно их увидела, иначе спряталась бы за заправкой и переждала, пока те сядут на автобус и уедут, а теперь, когда она показалась им на глаза, разговора не избежать.

— Ба, Наташка! — воскликнул отец. — Ты чего здесь?

— Да, вот, дядя Коль, приехала за документами в техникум.

— Понятно, понятно, дело важное. Без документов нонче никуда, — откликнулся дядя Коля. — В город-то, что, насовсем решила перебраться?

— Ну... Не знаю пока. — Наташа начала тяготиться этим выпрашиванием, ей уже хотелось, чтобы побыстрее приехал автобус и увёз их, но он всё не ехал и не ехал, и приходилось что-то отвечать. — работу вот пока ищу, если найду и понравится, может останусь... А может вернуться... Посмотрим...

— Ну, смотри, смотри, конечно. Дело молодое. Рыба, как говорится, ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Наташа уставилась на пыльную землю, не смея поднять глаз, а и почему-то чувствуя себя во всём и перед всеми виноватой: и перед Васей, что полюбила другого, и перед Ромой, что никак не могла расставить все точки над «и» и рассказать ему обо всём, перед мамой, сестрой, бабушкой и подругами, что жила как-бы двойной жизнью... Перед родителями Васи...

— Вася-то пишет тебе? — вдруг услышала она низкий, грудной, женский голос.

— Пишет, тётъ Зой, только в последнее время как-то пореже, — ответила она, поднимая на неё глаза. Перед ней стояла пожилая деревенская женщина, и в глазах у неё Наташа увидела боль от долгой разлуки с сыном и пожелание тому счастья.

— Сама-то пишешь, Наташ? — вновь спросила она.

— Ну... пишу, конечно. Тоже редко получается. Отвечаю. Работу целыми днями приходится искать, дел много. — Наташа чувствовала себя последней тварью.

— Конечно, конечно, дело понятное. Работу сейчас везде трудно найти. Ты уж пиши Васеньке, — заглянула в глаза Наташе тётъ Зоя, — он последнее письмо нам написал, так печалится, что редко пишешь, мол, совсем забыла о нём...

— Да что вы, тётъ Зой! Не забыла, конечно! Напишу. Обязательно.

— Ну, и хорошо, Наташенька! А вот и автобус наш, — заглянув за спину Наташи, тётя Зоя приподнялась на цыпочки, — ну, давай, успехов тебе. Всего хорошего!

— До свиданья! — махнула рукой Наташа поднимающимся по ступенькам дяде Коле и тёте Зое. И уныло, стирая со щёк бегущие слёзы, побрела вдоль трассы по направлению к Савалам.

Дела сделались как-то быстро, документы были готовы, и Наташа уехала уже на четвёртый день. Сидя в тряском автобусе, мрачно глядя на проносящийся пёстрыми пятнами пейзаж за окном, она думала о возвращении в Челны, о встрече с Ромой, о том, как наконец-то всё ему расскажет, и — будь что будет. Тут же набегали ещё более мрачные мысли: о том, как всё сказать Васе. «Поймёт ли? Да, конечно не поймёт! Дура ты, Наташа! Втрескалась в одного парня, а обещала ждать другого. Вот, блин, ситуация!» В раздразе от таких внутренних терзаний, она забылась беспокойным дорожным сном — с постоянными вздрагиваниями, просыпаниями, и провалами снова в липкую засасывающую паутину. Когда она окончательно проснулась, они были уже в Вятских Полянах. Остановка. Мужики вышли покурить, кто-то вышел кое-чего прикупить у местных торговков, гурьбой обступивших автобус. Наташа осталась сидеть в салоне. Было жарко. Форточки были открыты, но в воздухе не наблюдалось ни малейшего дуновения. Жирный запах пирожков тянулся устойчивой струёй. «Как же я устала», — вдруг отстранённо подумала Наташа и прислонилась лбом к стеклу.

Потом был Мамадыш с его, заполненной машинами, стоянкой перед дорожной развязкой. Проехав по кругу, автобус вывернул к стоянке, вновь отдохнули (покурили, прикупили что надо) и отправились в путь. Большие и малые сёла и деревеньки. Некоторые прямо у трассы — видно, что на подоконниках стоит, а некоторые в отдалении — сверкают на солнце разноцветными крышами. Потом была Елабуга, мимо которой проехали, не заезжая, но открылся вид на старый город с торчащими над частным сектором колокольнями церковей и соборов. Затяжной поворот, прямая, как стрела, дорога, поднимающаяся чуть в гору, лес по обе стороны, а вот и огромный бетонный указатель «Набережные Челны». И лес как-то сразу расступился, возник справа пост ГАИ, слева — насыпь железной дороги, а впереди изогнутой спиной исполинского бронтозавра протянулся над Камой мост Нижнекамской ГЭС. По мере того, как автобус выбирался из низины, пыхтя, поднимался по позвоночнику ящера, в левом окне вырастали понемногу белые, удаляющиеся по излучине реки, челнинские многоэтажки. «Ну, вот я и дома!» — то ли с радостью, то ли с грустью подумала про себя Наташа.

* * *

Встреча была жаркой, как и конец мая. Едва оказавшись дома и наскоро пересказав новости, Наташа побежала к соседке — звонить Ромке.

— Алло! Я приехала! — чуть ли не крикнула она в трубку.

— Наталь!!! Здорово!!! Так быстро. — Ромкин голос дрожал от волнения. — тебя можно увидеть? Или ты устала с дороги, хочешь отдохнуть?

— Конечно, можно! Приезжай скорее, Ром! Я так соскучилась! — Наташа раскраснелась, а соседка, проходящая мимо с заговорщицким видом, подмигнула ей («кавалер, да!?»).

Дома Наташа по-быстрому сбежала в душ, вымыла голову, и стояла в прихожей перед трельяжем, суша волосы феном. Мама вышла из зала, остановила на дочери долгий взгляд. Наташа жужжала феном, то перекидывая волосы справа налево, то опуская голову вниз, и тогда они почти касались пола. Грей не любил производящих громкие звуки приборов и потому благоразумно укрылся в спальне, за кроватью.

— Что, мам? — спросила Наташа, заметив во время манипуляций с волосами, мамин взгляд.

— Да, ничего, дочь, — как-то устало отозвалась та, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди. — Куда собралась хоть?

— Ромка сейчас придёт. Потом, наверно, гулять пойдём. Погода такая классная!

— Хм, — отреагировала мама, скептически скривив рот, но потом, словно опомнившись, сделала выражение лица поспокойнее, — Натуль, ну, что тебе сказать... Я не хочу лезть в твои отношения с молодыми людьми (она как-то выделила именно множественное число интонацией), но мне кажется, это не совсем хорошо может кончиться.

Наташа вздохнула. Фен продолжал противно жужжать. Она его выключила.

— Ма, я всё понимаю. Но... Мне нужно время, чтобы решиться, понимаешь...

— Я-то понимаю, дочь. Лишь бы он понял. И лишь бы поздно не было, — ответила мама и ушла в комнату.

Тут в повисшей тишине раздался громкий, задорный звонок...

* * *

Они шли по жёлто-зелёному полю, пестреющему разноцветьем. Над головой голубой чашей раскинулось июньское небо. Стрекотали равнодушные к жаре кузнечики, мимо пролетали спешащие по своим делам изумрудно-фиолетовые стрекозы. Наташа была в светлом платье в мелкий цветочек, она загорела, но оттенок её кожи был не тёмно-бронзовым, как у Ромки, а скорее красноватым. Ромка шутил, что в её роду наследовали индейцы, Наташа в ответ смешливо парировала о татарском следе в ромкиной родословной. Ромка поднимал голову и щурился на солнце. Он впитывал — волосами, кожей, всем нутром — солнечный жар и жар, исходивший от этой необыкновенной девушки. Конечно, на почти двадцатипятиградусной жаре невозможно было различить отдельную температуру человека, но ромкины чувства были обострены, и словно весь мир разворачивался и сворачивался в его представлении, как книжный свиток, а затем концентрировался, со всеми своими запахами, красками и ощущениями, в одной конкретной точке. На кончике наташиного носа, покрытого милыми точками веснушек. На чуть влажных от жары локонах, ритмично вздрагивающих в такт походке. На очертаниях так же вздрагивающих под тонкой тканью платья девичьих грудках. На подоле платья и блестящей коже икр, тонких лодыжках, и на блестящих застёжках лёгких туфелек. Весь мир — и синее небо, и далёкие, ещё не зажжённые звёзды, и тёплый ветер, и город вокруг поля — наклонялись к ним. Всмотриваясь. Интересуясь. Мир чего-то ждал. А для Ромки Наташа и была целым миром.

В начале июня Наташа, наконец, нашла работу. На самом краю города, в микрорайоне Сидоровка, за бурыми, кирпичными общежитскими высотками стояло приземистое двухэтажное здание техникума, где Наташа и работала теперь помощником главного бухгалтера. Зарплата была не ахти какая, но ей было важно нарабатывать стаж, поэтому она была согласна на любую вакансию. Чтобы попасть на работу, Наташе надо было полчаса ехать на трамвае до конечной, а потом ещё идти дворами до техникума. Ромку же от Сидоровки отделяло всего две остановки, и он каждый день ходил пешком, чтобы встретить её после работы. В четыре вечера Наташа, сияя, быстрым шагом выходила из дверей техникума и направлялась к Ромке, ждущему за оградой. Он смотрел, как она приближается, и испытывал ни с чем не сравнимое чувство какого-то дикого восторга. Её походка, её одежда, её выражение лица, то, как она улыбалась, искринки в её зелёных глазах, изящный изгиб её шеи, и вся её молодая, налитая ароматом яблок, свежесть — всё это ввергало Ромку в какой-то

почти молитвенный ступор. Он мог глядеть на неё часами, бесконечно слушать звуки её голоса, благоговейно ощущать слабый аромат её духов. Боготворить. И это чудо, подходя, просто говорило: «Привет! Ну, что, сегодня, как и всегда — огородами?» И они отправлялись домой уже не на трамвае, а полями Замелекесья, которые Наташа шуточно обзывала теми самыми огородами. По окраинам они обходили Сидоровку, переходили через первую автодорогу, шли по берегу Мелекески, наблюдая в разросшемся кустарнике какие-то незаконченные строения, чернеющие провалами окон, и, наконец, вырывались на широкий жёлтый простор, где в панораме виднелись малюсенькие дома, один из которых так ясно привиделся Ромке во сне. И сейчас Ромка шёл по воплощённому сну, не уставая поражаться чуду сбывшихся тайных надежд и желаний. Среди поля вилась узкая тропинка, проложенная словно для них одних, ибо они никогда не встречали на ней никого. В эти минуты они были одни на земле, и большой город затихал в отдалении, свято блюдя покой влюблённых. Поле играло им свой гимн, состоящий из всевозможных стрекотаний, шелеста ветра, пения птиц, укрывшихся в травах, дыхания земли и запаха цветов. Они разговаривали. Обо всё на свете. О своём детстве, о том, что любят и что не любят, о курьёзных случаях, происходивших в жизни каждого, делились мечтами и планами. Однажды Наташа спросила Ромку, почему он живёт не с отцом, а с матерью и бабушкой. И он рассказал ей свою историю.

Ромка родился в Челнах, родителям дали однокомнатную квартиру в восемнадцатом комплексе Нового города. Мама работала в детском садике, который располагался прямо за домом, где они жили. Туда Ромка и пошёл. Потом дело дошло до школы. Она тоже была в двух шагах. Так ромкина жизнь очертилась невидимым периметром: дом, детсад, школа, двор, дворовые (они же школьные) друзья. На выходные Ромка с мамой ехали на ГЭС, к бабушке. Это был как бы выход из одного мира в другой. Долго ли, коротко ли, шло время и Ромке исполнилось тринадцать. К тому времени Ромка уже понимал, что жизнь подростка в Челнах не так проста и радужна: помимо непонятных и пугающих изменений в организме есть ещё и жестокая внешняя реальность, которая может проявиться в самый неподходящий момент. Такой момент однажды наступил и в ромкиной жизни. К нему пришли ребята из комплекса и предложили вступить в группировку, а если Ромка откажется, сказали ребята, то он окажется «чёртом» и «чушпаном», то есть тем, кого все остальные будут «чморить». Ромка, конечно же, согласился. Во-первых, ему не хотелось быть зачморенным чушпаном, а во-вторых, он же знал всех этих ребят — его друзей. Правда, теперь у Ромки появились обязанности. Нужно было каждую неделю сдавать деньги в общак. Для чего это делалось, как и кем эти деньги распределялись, Ромка не знал, но это был закон, и нарушение каралось очень жёстко. Постепенно Ромка узнавал о группировочном мире Челнов всё больше. Была чёткая градация по возрастному принципу: были младшаки, середняки и старшаки. Ромка по возрасту, естественно, попадал в первую группу — самую бесправную из всех. Комплекс был закрытой территорией, внутри которой ты мог чувствовать себя безопасно. Если ты гулял на территории другого комплекса, то тебя могли избить, отобрать деньги, изувечить. Между некоторыми комплексами была война, а некоторые находились друг с другом в состоянии перемирия. Очень важным было знать местных авторитетов (из старшаков) и авторитетов других комплексов. Тогда можно было при наезде со стороны чужаков «блеснуть своими знакомствами» и тебя отпустили. Но могли и наказать, если ты не по делу и без доказательств «сорил кликухами». Весь этот параллельный челнинский мир объединяли понятия — «рамсы». Не по понятиям, например, было заявиться на драку с чужим комплексом при ножах, если до этого обговаривалось, что оружие — только палки и кастеты. Не по

понятиям было клеить чужую девчонку, с которой пацан «лазил», а если пацан уходил в армию, и девчонка объявляла, что будет его ждать, то клеить её было двойным преступлением.

Наташа слушала, кивала серьёзно, иногда испуганно округляла глаза. Когда Ромка рассказывал о понятиях, она, как будто стыдясь чего-то, опустила глаза и так и шла до дома всю дорогу.

* * *

На следующий день погода резко испортилась. Видимо, за ночь метеорологические волшебники где-то там наверху что-то напутали, и теперь Челны накрыла густая морось прохладного мелкого дождя. Блестели тротуары, ширились лужи, волна прохожих ощетибилась зонтиками, тучи низко висли над городом, выдавая всё новые порции влаги. Наташа проснулась в двойственном настроении. С одной стороны, то, что ей снилось, было очень волнующим и приятным, тем, чего она, если честно, так долго ждала от Ромки. С другой стороны, ей не давали покоя вчерашние ромкины слова. И вставал тут же перед мысленным взором Вася, и их малмыжская любовь, и встречи, и близость — и Наташа ненавидела себя за это раздвоение. Поэтому, нехотя встав (спешить некуда, сегодня — выходной), она вяло почистила зубы, умылась, села завтракать. Мама с утра куда-то ушла. Сестра смотрела по телевизору детскую передачу, в кухню долетали звуки смеха и искажённых голосов взрослых, подражающих детям. Грей тихо подошёл и положил свою тяжёлую морду Наташе на колени. Она потрепала его за ушами и сказала со вздохом в его умные глаза: «Ну, что, принц, люблю я тебя! И что мне делать? Наверное, надо идти в любви до конца...» Грей заморгал, дёрнул головой, словно кивнул, и задышал, высунув красный язык. Наташа засмеялась. «Одобраешь, да?»

Ромка пришёл в десять утра. Они договорились вчера, что сходят на Каму, но теперь, когда случился погодный переворот, это вряд ли осуществимо. Открыв дверь, Наташа увидела, что Ромка почти полностью сырой.

— Под дождём дорога от остановки до твоего дома в два раза длиннее, — Ромка ещё старался шутить.

— Так! Ну-ка быстро снимай всё с себя! — скомандовала Наташа. — Надо обязательно обсушиться! Ромка замаялся.

— Да ладно, чего ты, Наташ, на мне высохнет.

— Никаких на мне! — Наташа действовала решительно. Она загнала Ромку на кухню, встала перед ним, протянув к нему руку, повёрнутую вверх ладонью. — Давай, давай — футболку!

Ромка смиренно снял футболку. Протянул ей. Она ушла с ней в ванную, вернулась оттуда через пару секунд с полотенцем.

— Теперь — брюки!

Ромка, поняв, что возражать не стоит, начал расстёгивать ремень.

— Вот полотенце. Оботрись и завернись. Я сейчас, — и она вышла из кухни.

Ромка снял мокрые брюки, носки, наскоро вытерся огромным махровым полотенцем. Едва он успел завернуться в него, наподобие римского патриция, как вошла Наташа.

— Ну, что? Ты всё?

— Вроде всё.

Она взяла брюки с носками, унесла их куда-то, вернулась, кинула ему под ноги тапочки, сказала:

— Сушить-то негде. Батареи отключены. Я на сушилке разложила. Не насквозь вещи вымокли, но придётся какое-то время подождать, пока высохнут. Если что, потом феном ещё посушим, ага?

— Ага, — послушно кивнул Ромка, — спасибо, Наташ!

Они пили чай и смотрели телевизор, когда повернулся ключ в замке — пришла мама. Увидев Ромку в таком виде, она изумлённо округлила глаза, брови поползли вверх.

— Привет, дети! Ром, ты из бани что ли?!

— Мам, да он под дождь попал, когда ко мне шёл, — ответила за Ромку Наташа. — Вещи сохнут, а мы чай вот пьём. Ты будешь?

— Буду, — мама сбросила босоножки, отодвинула бедром ластящегося Грея («уйди, собака, не до тебя»), прошла с пакетами на кухню. Наташа вышла вслед за ней. Через минуту раздался звук закипающего чайника. Затем Ромка услышал неясный звук двух голосов. Мама что-то говорила Наташе, Наташа отвечала. Это не было похоже на ссору, но Ромка почувствовал некое напряжение. Зашла Наташа, поглядела на него немного печальными глазами и сказала:

— Пошли пить чай.

— Всё нормально? — спросил Ромка.

— Нормально, — ответила Наташа, — сейчас вещи проверю — высохли, поди, уже, и будем чай пить.

Чай пили молча. Грей лежал возле своей миски, положив морду на скрещённые лапы, и имитировал чуткий сон. Иногда он приоткрывал один глаз и внимательно осматривал троицу, сидящую за столом.

— Ну, и погодка! Лето вроде, а смотри ты, как резко похолодало! И дождь почти осенний полил, — начала мама Наташи, пытаясь разрядить обстановку.

— Да, — не поднимая глаз от чашки, отозвалась Наташа.

— Ну, да... — смотря на окно, за которым плыли по небу серо-белые мокрые облака, высказался и Ромка.

И тут, словно в ответ на их общий пессимистический настрой, выглянуло солнце, и мир тотчас преобразился. Лужи засверкали радостно. Ветер мгновенно угнал куда-то за Каму грязные облака. Небо высветилось летней синевою. Окна соседнего дома блестя в лучах солнца, посылая вокруг солнечные зайчики.

— Вот те на! — воскликнула наташина мама.

— Ромка, пойдём гулять!? — не дожидаясь ответа, Наташа сорвалась с места, скрылась в ванной и уже оттуда докричала, — я сейчас.

Через пять минут преобразившаяся, накрашенная и расчёсанная, она выплыла из ванной. Ромка уже ждал её в прихожей. Обулись, Наташа крикнула «всем пока!», и они побежали вниз по лестнице в их новой игре «кто первым добежит до первого этажа». На этот раз победила Наташа (Ромка чуть-чуть поддался), и они, смеясь, выбежали на улицу. Соседки на лавочке, решившие видимо, что в любую погоду необходимо дышать свежим воздухом, и радовавшиеся перемене погоды, нахмурили брови, проводив парочку неодобрительным взглядом. Но что было до каких-то там взглядов (одобрительных, или неодобрительных) влюблённым друг в друга Ромке и Наташе. Они гуляли под ярким солнцем, наблюдая, как оно высушивает блестящие лужи, как торопятся пошлёпать напоследок по этим лужам маленькие бутузы, как проступает под влажной сыростью бурая асфальтовая поверхность, как прохожие помахивают уже не нужными зонтиками, как шелестят высохшими кронами деревьев, как струится вокруг прекрасная и загадочная жизнь.

— Пойдём через мост, на берег Мелекески? — предложила Наташа.

— Давай, — сказал Ромка, и они пошли по ещё влажной земле по направлению к мосту. Навстречу им, деловито лязгая по рельсам, летел красно-белый трамвай. В порыве ветреного, солнечного настроения Наташа подняла руку и помахала пассажирам в трамвае. Кто-то недоумённо нахмурился на её жест, кто-то с равнодушием отвернулся (мол, не до шуток), кто-то просто улыбнулся, словно вспоминая о чём-то хорошем, а одна маленькая девчущка в платье в горошек, привстав на сиденье, смешно помахала Наташе в ответ. Наташа засмеялась.

— Как хорошо вот так гулять! Просто радоваться! Просто жить! — Она закружилась перед Ромкой, разведя руки в стороны.

Солнце перевалило зенит и клонилось к закату, но до сумерек всё равно оставалось ещё много времени. Шли по Сармановскому к наташиному дому. Уже подходя, Наташа вдруг дёрнула Ромку за руку.

— Давай зайдём в этот дом!

Они как раз находились перед высоткой, построенной казанскими строителями. Общие балконы ярко белели на солнце, радуя глаз вязью орнамента.

— Зачем? — непонимающе откликнулся Ромка.

— Пойдём, — заговорщицки потянула его Наташа.

Они перешли перекрёсток, вошли в подъезд, на лифте поднялись на самый последний этаж. Наташа была какой-то возбуждённой, она улыбалась, глаза её сияли, когда она смотрела на Ромку. Тот смущённо улыбался в ответ. Они вышли на общий балкон. Перед ними открылся город на берегу реки. Видна была узкая лента Мелекески, забегающая под мост, чтобы обогнув излучину Элеваторной горы, слиться с широкой Камой. Виден был вдоль Мелекески красноватый изгиб длинной девятиэтажки десять-семьдесят. За ней скрывалась дорога, по которой уносились в неизвестность десятки машин. Виден был мост, а за ним вздымался в небо зелёный шпиль мечети. Наташа приблизила лицо к окошку-ромбику, её нос скрылся в нём.

— Знаешь, я люблю высоту. Люблю смотреть на всё с высоты. В Малмыже, хотя мы и жили в низком доме, но сам город стоял на высоком холме, и сверху открывался просто классный вид на всё вокруг. А потом я переехала сюда... — она повернулась к Ромке, опершись спиной на ограждение балкона, и посмотрела Ромке прямо в глаза, — ...и ты показал мне другую высоту... и она мне очень нравится. Я люблю тебя, Ром!

Ромка смотрел на Наташу. Её глаза словно сияли внутренним огнём, и этот пламень обжигал Ромку — его душу, его тело, его мысли.

— Можно тебя поцеловать? — хрипло произнёс он. И, хотя Наташа не ответила, Ромка по её взгляду узнал ответ. Он шагнул к ней. Она запрокинула голову, жёлтые волосы рассыпались по белым ромбам, и ветер играл ими в свою тайную игру. Ромка обнял Наташу за талию, бережно сжимая своими ладонями хрупкое горячее тело, и склонился над ней. Она обвила руками его шею и потянулась губами к его губам. Это был миг перед зарождением Вселенной, когда предвечная тишина покрывает всю пустоту, в которой расцветает огоньком маленькая точка, хранящая в себе невероятную энергию. И затем следует взрыв! Мириады частиц сталкиваются, вонзаются, слепляются друг с другом. Галактики губ разбегаются, чтобы снова сойтись в бешеном танце под грохот рождения сверхновых. Тёмные дыры глаз тонут в бездонностях своих эманаций. Жаркие волны эфира укутывают в блестящий флёр точки созвездий. Созвездие Плеч. Созвездие Тонких Пальцев. Туманность Горячего Лона. Млечный путь Желания.

Наташа пришла домой, как пьяная. Мама была на кухне и, зайдя туда, Наташа встретила её насторожённый взгляд. Наташа устало опустилась на табурет, привалившись спиной к стене и вытянув ноги.

— Глаза-то чего такие дикие? — мама, похоже, уже всё поняла.

— Мам, — Наташа потянулась, как кошка, — я сегодня с Ромкой в первый раз поцеловалась, представляешь!

Мама удивлённо уставилась на дочь.

— Ох, Наташка! Обождёшься ты любовью! Вспомнишь мои слова... — мама, шаркая тапочками, вышла из кухни.

— Мам, ну разве любовь это плохо!? — крикнула ей вдогонку Наташа.

Из ванной выскочила сестрёнка. Подбежала к Наташе, посмотрела хитро и лукаво спросила:

— Наташа, а что такое любовь?

— Будешь много знать, скоро состаришься! — рассмеялась Наташа, вставая.

Но тут в проёме двери вновь появилась мама. В руках у неё белел прямоугольный конверт. Предчувствие неизбежного обожгло душу Наташи.

— Сядь, — приказным тоном сказала мать. Наташа села. — Вот. Сегодня принесли. Читай. Она кинула запечатанный конверт на стол, резко развернулась и вышла. Наташа дрожащими руками вскрыла конверт, на котором знакомым почерком были аккуратно выведены название и номер части, её адрес и имя с фамилией. Достала письмо, начала читать, буквы запрыгали перед глазами, расплываясь в каком-то тумане. «Милая... дорогая Наташенька... люблю... постоянно думаю... почему не пишешь... скоро дембель... приеду к тебе... сентябре...» Она зарыдала. «Почему!? Ну, почему всё так в жизни!? Господи, да что за мука-то такая!? За что!?» В кухню забежала мать, потом сестрёнка.

— Что с тобой, Наташ!? Ты чего!? Ну, что ты, что ты... Не плачь, всё наладится, вот увидишь! — бормотали обе, обнимая её с двух сторон. Но Наташа знала, что уже ничего не наладится. Потому что всё в жизни двигалось к какому-то очень злому финалу, к какой-то точке невозврата, после попадания в которую уже ничего не будет прежним. «Даёшь счастье, и тут же забираешь», — обратилась она шёпотом сквозь рыдания к кому-то неизвестному.

— Что милая? — не расслышав, переспросила мама. — Будет счастье, обязательно будет. И вздохнула.

В ту ночь Наташе снились кошмары. Её преследовало чудовищное змееподобное существо с двумя головами, причём одна голова была уродливой, а вторая прекрасной. Существо догнало её в сыром мрачном тупике, обвило скользкими кольцами, две головы оказались на уровне глаз. Наташа задыхалась от липкого ужаса. И тут головы начали спорить друг с другом, кому из них достанется право укусить первой. Наташа переводила взгляд с одной головы на другую, но всё мгновенно менялось, и уродливая голова вдруг превращалась в мгновение ока в прекрасную, и наоборот, прекрасная становилась уродливой. Потом она, как это бывает во снах, оказалась в другом месте. Оглядевшись вокруг, она поняла, что стоит на мосту, что перекинут через Мелекеску, и с двух сторон к ней идут Вася и Ромка. Они приближались, и если сперва Наташа видела лишь силуэты, то потом могла разглядеть в каждой фигуре всё до последней мелкой детали. Лишь лиц она не видела — они были скрыты облачками наподобие тумана. При этом она точно знала, кто из них Вася, а кто Ромка. Приблизившись к ней,

фигуры остановились каждая в паре метров от Наташи. Воцарилось жуткое молчание. Наташа резко крикнула: «Что мне делать, скажите!?» То ли от крика, то ли от ветра, что поднялся сразу после её возгласа, туманные облачка, укрывавшие лица Васи и Ромки, стали таять. Наташа вглядывалась в их черты, но вновь с ужасающей быстротой лица стали меняться из уродливого в прекрасное, и наоборот. Рухнув на колени, Наташа дико закричала. И проснулась. С соседней кровати на неё испугано тащились разбуженная сестрёнка.

— Спи, Ян, извини, просто кошмар приснился, — дрожащим от пережитого голосом пробормотала Наташа.

— А ты так скажи перед сном, — наставительно сказала Янка, —

Наступает ночь,

Ты устала, дочка.

Ножки бегали с утра,

Глазкам спать давно пора.

Ждёт тебя кроватька.

Спи, дочурка, сладко!

И будешь всю ночь видеть только хорошие сны...

— Спасибо, Яночка, я обязательно буду так делать, — со слезами на глазах Наташа залезла под одеяло и отвернулась к стенке.

На следующий день перед работой она забежала к соседке, позвонила Ромке, чтобы он не приходил, так как она после работы поедет с мамой по магазинам, и у них просто не будет времени, чтобы встретиться. Наташа не сильно преувеличила, так как у мамы сегодня был день зарплаты, и она пригласила дочь пробежаться с ней по магазинам. Так совпало, что и у Наташи ожидалась первая зарплата, и конечно она планировала тоже прикупить кое-то и для себя. Кроме того, ей просто необходим был перерыв, чтобы разобраться в своих мятущихся мыслях и принять решение. Ромка, конечно, сразу погрузился, но делать было нечего, и они договорились, что Наташа позвонит ему ещё и скажет, когда можно будет вновь увидеться. Ещё несколько дней Наташа ссылалась на свои женские дела, и тут уж ничего не попишешь — природа была на её стороне. Вечера она проводила дома, гуляла во дворе с Греем, помогала сестре с чтением книг, заданных на лето по школьной программе. Мама поглядывала на неё с подозрительным интересом, но ни во что не вмешивалась и ни о чём не спрашивала.

Близилась выходная. Надо было определяться. Наташа в пятницу снова зашла к соседке, набрала заветный шестизначный номер, трубку сняли, и ромкин тревожный голос произнёс «алло!»

— Привет, это я, — сказала Наташа. Она почувствовала кожей щеки и уха, как на том конце провода ромкин рот расплылся в улыбке, — приходи завтра. Я очень соскучилась!

* * *

Ромка ворвался в квартиру Наташи как ураган. Едва войдя в дверь, он сразу сунул ей коробку конфет. Грея он потрепал за уши, при этом оба довольно порывкивали. Наташе самой передалось его возбуждение, она подбежала к Ромке и повисла у него на шее, покрывая его лицо мелкими поцелуями.

— Блин, Ромка!!! Я как будто тыщу лет тебя не видела! Соскучилась — жуть!

— А я, думаешь, не соскучился!? Чуть с ума не сошёл за эту неделю. — он жадно смотрел на неё. — у тебя всё нормально.

— Нормально. Посиди в зале. Я чай сделаю. Будем кино смотреть.

— А мама с Янкой где?

— Янка гуляет, как всегда. Маму тоже где-то носит. Ушла, когда я спала ещё. Ты телевизор включай пока. — Наташа упорхнула на кухню.

Ромка зашёл в залу, нажал на кнопку включения телевизора, экран помутнел, по-светлел, пошёл полосами, и появилось нормальное изображение. Потыкав каналы, Ромка остановился на одном, и сел в кресло. Наташа гремела чашками-ложками на кухне. Грей устроился у его ног. Солнце светило в окно, ярко протекая прозрачным светом сквозь узорчатую тюль. «Как же здорово и классно жить!» — подумал Ромка и потянулся в кресле. Наташа вошла с подносом в руках.

— Помоги мне, Ром, — она кивнула головой на журнальный столик.

Ромка вскинулся, передвинул столик так, чтобы он стоял между креслом и тахтой. Наташа поставила поднос. В прозрачных чашках тотчас заиграло солнце, смешивая свой свет с цветом чая. Печенья на блюде с золотой каёмкой выглядели аппетитно. Ещё аппетитней выглядела Наташа, которая полулегла на тахту, привалившись к её спинке. На ней был короткий сиреневый халатик, перетянутый пояском. Когда она села, край халата соскользнул с бедра, и у Ромки перехватило дыхание. Он застыл с недонесённой до рта чашкой чая. Наташа проследила его взгляд и, зардевшись, одёрнула халат. Они продолжили пить чай молча, иногда поглядывая друг на друга. По телевизору шёл какой-то концерт, но звуки его стали как бы глуше и дальше. Сердца обоих гулко и быстро стучали, и, казалось, они слышат стук друг друга. И понимают всё без слов. В висках пульсировало. Ромка вдруг поставил свою чашку на столик, поднялся и подошёл к Наташе. Она посмотрела на него снизу вверх (сама не поняла, то ли с испугом, то ли с желанием, одно поняла точно: сейчас ЭТО случится!) и подумала: «Боже, какой он высокий! И красивый...» Что происходило дальше, она уже слабо помнила. Вот, он опускается перед ней на колени... Она вынуждена развести ноги... Он притягивает её к себе, она двигается, халат съезжает, обнажая бёдра... Он целует её шею (о, Боже, как же это приятно!!!)... Он спускается ниже... Халат лезет вниз с плеча, открывая обнажённую грудь... Он касается... Взрыв!!!

Каким-то чудом она услышала звук ключа, поворачивающегося в двери. Она толкнула Ромку от себя, одновременно запахивая халат. Ромка отлетел на кресло. Щёки Наташи пылали. Она схватила чашку с чаем и печеньем. Вошла мама.

— Привет! Чай пьём? — мама поставила пакет на пол прихожей, подняла глаза на Наташу, затем её брови сдвинулись. Сделав шаг, она распахнула неоткрытую створку зальной двери, как раз там, в углу, сидел в кресле Ромка. Она гневно посмотрела на него. Он пробормотал «здрассте» и сделал вид, что сосредоточенно смакует чай.

— Здравствуйте, здравствуйте! — строго ответила мама, обернулась на Наташу, — так, пошли-ка со мной на кухню.

Наташа молча поставила чашку на стол, поднялась и с виноватым видом удалилась за мамой, сделав напоследок Ромке страшную «рожу» (мол, всё, попались!) Дверь кухни хлопнула, до Ромки донеслись обрывки разговора, вернее, мамино монолога, на весьма повышенных тонах. Через пару минут послышался звук открываемой двери и голос наташиной мамы:

— Так, дочь, сходи-ка ты в магазин!

— Но.. Ма! Ты же купила вроде всё, — услышал Ромка Наташины слабые возражения.

— А ты ещё что-нибудь купи... К чаю! — мамин тон не терпел возражений.

Наташа промелькнула в двери и скрылась в своей комнате. Ромка слышал, как она одевается. Потом она вышла, быстро обулась и, послав Ромке умоляющий взгляд, хлопнула входной дверью. Её мама вошла комнату, села на тахту, напротив Ромки, и строго посмотрела на него. Он всё ещё держал в руках чашку с остывшим уже чаем.

— Ром, мне кажется, нам надо серьёзно поговорить, — начала мама.

— Давайте, Ирина Петровна, — тоже перешёл на официальный тон Ромка.

— Не знаю, как далеко у вас всё зашло в отношениях с Наташей, — продолжала та, — но мне кажется, что... (тут она замешкалась, словно подбирала нужное выражение)... тебе она не очень подходит.

Ромка удивлённо округлил глаза.

— В смысле?

— Ну... В таком вот смысле, — женщина явно хотела что-то сказать, но ей будто не удавалось адекватно сформулировать свои мысли, — понимаешь... ты, Ром, парень хороший... из хорошей семьи... интеллигентной... начитанный. А моя Наташка... она... ветреная девушка.

Ромка во время всего этого монолога всё больше каменел лицом и всё сильнее недоумевал. С чего вдруг тётя Ира так ополчилась на их отношения? Всё же вроде хорошо было! И чай вместе пили. И картошку им помогал сажать в огороде. И не было ведь никаких претензий. А сейчас что на неё нашло!?

— Ром, — наташина мама прямо посмотрела ему в глаза, — Наташа всегда была девочкой увлекающейся и влюбчивой. Я просто переживаю. Переживаю за тебя. Пойми ты, а вдруг у неё всё временно? Чувства переменятся, она влюбится в кого-нибудь ещё, а тебе — страдать. Я её люблю, она — моя дочь, но и тебе, Рома, как сыну своей подруги, я желаю лишь добра. Лучше оставь её. — Сказав всё это, она как-то сразу обмякла, плечи опустились, лоб прорезала глубокая морщина.

Ромка сидел, как громом поражённый. Затем медленно, раздельно, словно взвешивая каждое слово, он проговорил:

— Теть Ир, мы с Наташей любим друг друга... И я хочу на ней жениться...

— Ох, дети, куда ж вы! — она всплеснула руками и убежала на кухню. Ромка остался сидеть, как вкопанный.

Стукнула входная дверь. Наташа, стремительно сбросив туфли, заглянула в залу, увидела, в каком состоянии Ромка, и помчалась на кухню.

— Что ты ему сказала!? — она ненавидяще вонзила глаза в мать. Кулаки её сжались так, что побелели костяшки пальцев.

— Ничего я ему не сказала, — устало прошептала та, — но пойми ты, Наташ, что за всё платить придётся. И за ложь тоже. Я не хочу вам зла, пойми! — она подняла на дочь мокрые глаза, — но если ты не скажешь ему сегодня правду, я сама всё расскажу.

Он ведь, дурочка, на тебе жениться надумал, а ты что творишь!? — мать заплакала. Наташа ошеломлённо молчала.

— В общем, я сейчас уйду, а вы разбирайтесь тут между собой. Поняла? — вытирая глаза, мать вопросительно посмотрела на Наташу.

— Поняла, — отстранённо, глядя куда-то в пустоту, ответила она.

Наташа вошла в комнату, словно марионетка, управляемая чужой волей. Ромка поднялся навстречу ей.

— Наталь! Что случилось? Что вообще тут происходит? Я что-то ничего не понимаю, — он с тревогой заглядывал в тусклые глаза Наташи.

— Ром, сядь, пожалуйста, я должна тебе кое-что рассказать. — голос Наташи был исполнен раздирающей её муки. Ромка послушно вернулся в кресло.

— Понимаешь, Ром, мне хотелось бы, чтобы ты меня понял. Это для меня самое главное. Когда я переехала в Челны, мне здесь было очень одиноко. Ни друзей, ни подруг, мама с сестрой не в счёт. Мне не с кем было даже просто поговорить, поделиться мыслями. Понимаешь? (Ромка кивнул). И тут появился ты. И моя жизнь словно осветилась. Ты стал всем для меня. Смыслом жизни. Я тебя полюбила. (Голос Наташи дрожал. В глазах стояли слёзы). И я очень боюсь, Ром, очень, понимаешь, что ты меня возненавидишь...

— За что!? — перебил её Ромка.

— ... подожди! Ром, мне мама сказала, что ты ей сказал, что хочешь на мне жениться. Это правда?

— Правда, Наташ. Я, конечно, хотел бы, чтобы всё это произошло немного при других обстоятельствах, но... Я тебя люблю, Наташ. Это правда.

Наташа заплакала. «Почему всё вот так!? Почему!?» — повторяла она, трясаясь от рыданий. Ромка подошёл к ней, обнял за плечи, начал гладить, шепча успокаивающие слова.

— ...нет, Ром, подожди, дослушай, — отстранилась от него Наташа. Она глубоко вдохнула и, испуганно глядя в ромкины глаза, сказала:

— В Малмыже у меня был парень. Вася. Ну, как был... И сейчас есть. Но он сейчас не в Малмыже, а в армии. И я обещала его ждать. Мы встречались друг с другом, как муж и жена. После армии планировали пожениться...

Выпалив всё это одним духом, Наташа замолкла, опустив глаза, боясь взглянуть на Ромку. Тот сидел молча, не шевелясь. Солнце всё так же светило сквозь штору, но теперь его свет стал каким-то равнодушным, тусклым, безрадостным. Где-то внизу, на улице, шумели дети в своих детских играх, ворчали машины, дул ветер. Наташа осмелилась, наконец, поднять глаза на Ромку. Тот сидел в кресле неестественно прямо, сплетя пальцы рук в тугий белый комок. В глазах его застыло страдание. Наташа кинулась к нему, обняла его колени, пытаясь спрятать голову под его руками. — Прошу, милый, пойми меня. Я сама не знаю, как всё так получилось. Я не хотела тебя любить, но потом полюбила. Честно...

— Ты писала ему, что у тебя теперь есть я? — спросил Ромка.

Наташа мучительно сжимала и разжимала пальцы.

— Нет, — наконец, с усилием произнесла она. — Но... Я хотела. Честно хотела. Я напишу...

— Понятно, — охрипшим голосом сказал Ромка.

— Это всё, что ты можешь сказать, — плача, спросила его Наташа.

— А что тут говорить, — отозвался он, криво усмехнувшись, — ты ему даже не сообщила, да, и если обещала ждать, надо ждать, а не...

— Что не..!? — крикнула с болью Наташа.

Ромка не ответил, мягко, но решительно отстранил её от себя, вышел в прихожую и стал надевать кроссовки. Наташа выбежала за ним.

— Не уходи, Ром! Давай поговорим! — она моляще смотрела на него.

— Наталь, прошу, не надо... — скривившись, словно от зубной боли, он открыл дверь и шагнул за порог.

* * *

Прошло два месяца. Жаркий июль сменился более прохладным августом. Лето сдавало позиции своей старшей печальной сестре — Осени. В воздухе витала вековая грусть увядания, расставания с радостью, предчувствия злых ветров и зябких дней. В конце августа, чтобы хоть как-то забыть о Наташе, Ромка ушёл в сплав по реке Ик. Плыли вшестером: руководитель местного турклуба, его гражданская жена, их девятилетняя дочь, друг Ромки Витёк со своей подругой Танькой, ну, и сам Ромка. На автобусе, с загруженными под завязку рюкзаками, доехали до Муслимова, вышли на мосту, спустились к реке, нарубили тонких берёзок для каркаса, надули и связали катамаран, сели и поплыли. Неторопливое течение реки, серое небо над головой, мерные всплески вёсел в воде, расстилающиеся вокруг поля, переходящие вдалеке в невысокие холмы, морозящий иногда нудный колкий дождик — всё это вполне соответствовало ромкиному настроению. Да, он и не желал другого. Прошло жаркое, наполненное весельем, лето. Наступила пора пожухлой травы, стелящейся под суровыми ветрами. Бывали минуты, когда Ромка почти понимал Наташу, а значит, почти прощал. Но... Это «почти» постоянно выкидывало свои злые шутки в виде каверзных вопросов, тягостных сомнений, ощущения недосказанности, различных домыслов. Вспоминая их с Наташей встречи, Ромка не мог не верить, что любовь Наташи была чистой и искренней, что всё, что она ему говорила, было правдой. И тут же коварный голос жарко шептал внутри головы: всё, что говорила, — да; но ведь она не всё тебе говорила, и как быть с той, второй, правдой? И Ромка замыкался в себе. Мучился. Страдал. Двухмесячные терзания настолько измотали его, что он воспринял предложение пойти в сплав, как спасение свыше. Но и здесь мрачные мысли одолевали его, голосок всё звучал, всё шептал. Ромка рассказал всё другу. Друг понял, посочувствовал, но, конечно же, ничем не мог помочь. Сперва стало немного легче, но затем мрак одиночества и безвыходности вновь затопил Ромку. Он исправно махал веслом, обходя коварные «какао»-водовороты, рубил дрова на привалах, ставил палатку на ночь, кашеварил в назначенную ему очередь. Короче, жил полной походной жизнью. Кожа его стала обветренной, ладони покрылись мозолями, руки огрубели и налились силой, волосы отросли и спутались нечёсаными патлами. Но всё это было для него не главным. Главным было — сосущее, до боли желание понять! Почему так случилось!? В чём он виноват!? Кто свёл их пути на земле!? И, главное, зачем!? Зачем все эти страдания? Кому они нужны?

В последнюю ночь сплава они остановились на ночёвку на краю огромного поля. Именно такое представляется, когда слышишь известный русский романс. Далеко на противоположном его краю, темнел узкой чёрной полоской лес, а сверху раскинулся бездонный шатёр ночных небес, сияющий бессчётным количеством ярких точек. Такого количества Ромка не видел никогда. Казалось, на каждом квадратном сантиметре неба расположено не меньше десяти сверкающих с разной мощностью огоньков. Звёзды складывались в кресты, чаши, короны, Млечный Путь разливал своё молоко по просторам галактики. Все уже ушли спать, лишь Ромка один остался сидеть у догорающего костра. И тут в голову ему пришла простая и ясная истина: всё в этом мире течёт параллельно друг другу, иногда соприкасаясь, чтобы какое-то время течь единым потоком, потом потоки разделяются — какие-то по причине разных целей, какие-то из-за гордости и глупости, какие-то — из-за смерти одного из

потоков. Если поток человека хочет течь с твоим потоком, значит, надо принять это как благосклонность судьбы и радоваться тем минутам, часам и годам, в которые вы течёте вместе. И ещё одно понял Ромка: когда он вернётся, он обязательно расскажет Наташе о своём открытии, и, конечно же, предложит ей течь вместе. С этой мыслью он заснул, и впервые со дня расставания с Наташей, видел светлые сны.

* * *

В первый день после приезда Ромка отмывался, брился, вычищал грязь из-под ногтей, ходил стричься. Приведя себя в нормальный цивилизованный вид, он готов был к встрече с Наташей. Правда, мама сказала ему, что за время его отсутствия, то есть почти за неделю, Наташа ни разу не позвонила. Он встревожился. Хотя, с другой стороны, чего он хотел? Он сам оборвал все контакты с ней, да и прошло уже два месяца. Поначалу она ещё пыталась выйти с Ромкой на разговор, почти каждый день звонила. Мама, беря трубку, вопросительно смотрела на Ромку, который тоже подбегал к телефону, и неслышно, одними губами шептала «Наташа», но он после секундного промедления всегда упрямо мотал головой и, сгорбившись, уходил в свою комнату. Мама, с болью глядя в спину сына, отвечала в трубку, что «его нет», или «только что вышел, позвони попозже», или потом уже правду: «он не хочет разговаривать». Мама была в курсе произошедшего (всё-таки они с тётёй Ирой подруги). Конечно, они уже успели всё обсудить и даже поплакали на плече друг у дружки. Но помочь Ромке мама ничем не могла. Только лишь надеяться на лучшее и молиться, чтобы сын не совершил какой-нибудь глупости. И вот, сейчас Ромка надеялся, что молчание Наташи имеет естественные причины. Может быть, она просто решила его не доставать, дать ему время на раздумья и решение, а сама ждёт и надеется. «Пусть будет так!» — молил небеса Ромка. На следующий день, в выходной, Ромка решил, что будь что будет, но сегодня он должен увидеть Наташу. Он встал рано — ему не спалось — и всё утро находился в каком-то нервном возбуждении. В голове пролетали сюжеты его встречи с Наташей, их разговора, её реакции. И ещё он решил, что сегодня это должно случиться — он сделает Наташе предложение. Еле дождавшись одиннадцати (Ромка решил, что надо дать Наташе выспаться, она любила поваляться в выходные в постели подольше), он стремительно оделся и чуть ли не бегом кинулся на остановку.

Август в Челнах отпел свои чародейские песни, наступил сентябрь, но в воздухе ещё чувствовалось тепло уходящего лета, ещё зеленели деревья, хотя и тронутые осенними поцелуями, ещё не совсем умерла надежда. Природа готовилась к бабьему лету. Ромка широко шагал по Сармановскому тракту, отмечая в памяти места и события, что были ему так дороги: вот здесь, в этой арке, они прятались от майской грозы, и Ромка нежно обнимал мокрое под платьем наташино тело, вот здесь у Наташи сломался каблук во время прогулки, она сняла обувь и пошла по асфальту босиком, и Ромка восхищался лёгкостью и изяществом её поступи, а вот и знакомый дом с белыми ромбами общих балконов! — здесь они впервые поцеловались — и разве такое забывается!?

Завернув за угол очередной высотки, Ромка увидел наташин дом. Бегала детвора, громко и весело смеясь. И хотя Ромка волновался перед встречей, на душе его тоже было весело и легко. Сейчас он её увидит. Сейчас он ей всё скажет. И останутся далеко позади все недоразумения, размолвки, недоговорённость, обиды и страх. Сейчас... Ромку кто-то дёрнул за рукав. Он обернулся и увидел наташину младшую сестрёнку, Янку.

— Привет, Ян! Как дела?

— Здравствуй, Ром, — ответила та, щуря на солнце свои голубенькие глазки, — ты к Наташе, да?

— Да. Она дома?
— Дома.
— Ну, давай, я пошёл. — Ромка дёрнулся было, но Янка не отпустила его, всё держала за рукав. — Ты чего, Ян? — спросил удивлённо Ромка.
— Она не одна дома, — заговорщицки прошептала та.
— Не одна? С мамой? Ну, и что такого? Даже лучше. — Ромка вновь дёрнулся, чтобы пойти, но вёдливая девчушка не отпустила его.
— Нет, мамы нет. Она с Васей дома.
— Что? С каким... — Ромка начал было вопрос, но понял, что уже знает ответ на него. В глазах у него потемнело, почему-то в мире закончился воздух — стало трудно дышать. Небо стало из ярко-синего серым и тусклым.
— С Васей. Из армии. Они жених и невеста! — с гордостью сообщила Янка. — И спят они вместе в нашей комнате, а я с мамой в зале.
Ромка медленно развернулся и как деревянный пошёл назад. Глаза удивлённо фиксировали течение жизни вокруг, но он не понимал, почему не слышит никаких звуков. Ни рычания машин, ни детского визга, ни порывов ветра в листве. И тут — вот он, переменчивый сентябрь — с неба хлынул ливень.

* * *

Вечером Ромка сидел с Витькой в подъезде и пил водку. Пили без закуски, просто запивая водой из литровой банки. Ромке хотелось нажраться так, чтобы в голове его исчезло само понятие «мысль», чтобы не думать о Наташе, чтобы не думать вообще ни о чём. Но не получалось. Опьяневший Витька, неестественно растягивая слова, спрашивал Ромку:

— Ты её лю-у-бил?
— Любил, — обречённо кивал головой Ромка.
— Ты с ней бы-ыл сча-а-стлив?
Снова обречённый кивок.
— И ты реши-ил, кароч, не мешать их сча... а- Витька икнул, — ...стю?
— Да. Решил. Если его выбрала, то я просто отойду. Да и с самого начала, пони-маешь, братишка, не по-правильному всё было. Нельзя отбивать у пацана девчонку...
— Но-о... Ты же не знал, — возмущённо парировал Витька.
— Неа.
— И она сама тебя это... того... ха-а-тела ведь... — Витька пристально, как смотрят пьяные, уставился на Ромку.
— Ну... Вроде хотела.
— И чего ты, кароч, хочешь теперь?
— Сам не знаю, братишка, — так же обречённо пробормотал Ромка, — сам не знаю.
— Ну, и дурак! — констатировал пьяный братишка.
— Значит, дурак! — согласился пьяный Ромка.

* * *

Через полгода через общих знакомых Ромка узнал, что Вася увёз Наташу в Малмыж, и они поженились. В тот день он тоже напился.

ЭПИЛОГ

В 2003 году, осенью (кажется, это был сентябрь), я приехал в Челны. Незадолго до этого меня по работе перевели в Чебоксары, но в Челнах мне надо было доделать кое-какие дела, да и родных неплохо было бы лишний раз повидать. Поэтому, оставив жену обустраивать квартиру и знакомиться с городом, я уехал. Я не был в Челнах лет шесть, и волновался, как молодой паренёк на первом свидании. Чем встретит меня родной город? Изменился ли он? Чем живут люди, спешащие по его улицам? Какие драмы разыгрываются за стенами его домов? Есть ли в переплетении его улиц новые Ромео с Джульеттой?

Я зашёл к маме. Она была уже не той цветущей женщиной, что я знал шесть лет назад. Да, время идёт. Сестра тоже выросла и вошла в тот непростой возраст, когда начинают грубить родителям, влюбляться, страдать, ненавидеть. Да. Время бежит. Я уладил все дела, что у меня были в первый же день. Потом я гулял по осеннему городу, пинал листву в аллеях, наблюдал, как медовый закатный солнечный свет гладит стволы деревьев, как уывает лето. И тут на память мне пришла полузабытая мелодия и полузабытые слова:

*Забывтую песню несёт ветерок,
Задумчиво в травах звеня,
Напомнив, что есть на земле уголок,
Где радость любила меня.*

*Боже, как давно это было,
Помнит только мутной реки вода,
Время, когда радость меня любила,
Больше не вернуть ни за что, никогда...*

Я шёл по набережной Мелекески, напевая про себя вновь и вновь эти слова, любуясь видом заречных далей, и вспоминал, вспоминал, вспоминал... Вдруг в кармане завибрировал и разразился специфической трелью сотовый. Я достал свою раскладушку, раскрыл её, номер был мне незнаком. Я нажал «ответить». Сказал «алло!» И тут до боли знакомый голос произнёс:

— Привет!

Я остолбенел от неожиданности, встав, как вкопанный, память мгновенно калейдоскопом развернула передо мной радужные соцветия прошлого.

— Привет. — наверно, мой голос был чересчур хриплым. — как.. как ты узнала мой номер?

— От общих знакомых, — ответила она, — прости, я не хотела бы тебе навязываться, но... она помедлила, словно решаясь на что-то, и продолжила — мы могли бы встретиться?

— А... Ты, что в Челнах тоже?

— Да. Мы живём теперь снова в Челнах. Так ты не против?

— Ну... Да. Хорошо. Давай встретимся. Где? Когда?

— Давай завтра, после работы. Часа в четыре. Тебя устроит?

— Да, — сказал я, — устроит.

— Хорошо, — сказала она, — я пошлю тебе адрес эсэмэской. — До завтра.

— До завтра.

В трубке воцарилось молчание. Я, всё ещё в шоке от неожиданности, медленно двинулся в сторону дома. Весь вечер я был замкнут, невесел, задумчив. Ночь длилась для меня мучительно долго, я почти не спал, ворочался, лунный свет лил в окно,

вызывая желание завить. Утро и дневные часы я провёл практически в исступлении от нетерпения. Мой мозг терзали две мысли: она здесь, рядом, я её увижу! и — зачем она хочет встречи, если она замужем, и, как я слышал, у неё уже есть ребёнок? В чём всё-таки дело? Я не знал. Но, время идёт, пришло оно и к четырём часам. Я приехал по указанному в смс адресу. Это оказалось здание некой фирмы, стоящее вблизи Сармановского тракта. Когда я подходил к нему, набрал ей смс, что я здесь. Прошёл в калитку. Перед зданием была небольшая рукотворная клумба, вокруг которой располагались несколько скамеек. Я присел на одну из них и, волнуясь от стесняющего грудь чувства, стал ждать. Долго ждать, впрочем, не пришлось. Она вышла на крыльцо. Как и шесть лет назад, она была прекрасна. Тот же оттенок волос, та же зелень глаз, та же походка, тот же наклон головы... Только вот в глазах спряталась суровой хозяйкой грусть. Она села рядом со мной.

— Ну, привет, — смущённо, глядя прямо мне в глаза, начала она.

— Ну, привет, — ответил я, смущаясь, как мальчишка, от её взгляда.

Немного помолчав, словно набирая силы для продолжения, она спросила:

— Как твоя жизнь? Я слышала, ты женат? Есть детки?

— Жизнь — потихоньку, — по порядку начал отвечать я на её вопросы, — да, я женат, детей, правда, пока ещё нет.

— А у меня, вот, есть. Сыночек. — Она вспыхнула: и от радости, и от стеснения.

— Хорошо. Здорово. — Я не знал, что ещё сказать. Она тоже замолчала, и мы молчали так довольно долго, потом она снова заговорила немного нервно:

— Слушай, то, что было... Ты ничего не хочешь мне сказать, спросить? Так ведь всё и закончилось твоим молчанием тогда... А я ждала от тебя хоть какой-то реакции...

Я опёрся локтями о колени, склонил голову. Мне было тяжело вспоминать. Ещё тяжелее было её присутствие здесь и сейчас. И то, что она ворошит заметённые глубоким снегом угли. Что я мог ей сказать? Что я должен был ей объяснить? Что мне, челнинскому пацану, было запахло отбить её у парня, который ушёл в армию? Что есть какие-то понятия — даже не просто конторские, а вообще просто общечеловеческие? Что, возможно, я упустил своё счастье, не стал за него бороться из-за каких-то глупых (а может, и неглупых) принципов? Что даст то, что я сейчас всё это ей расскажу? Порой слова бессильны. Ты или чувствуешь всем нутром, что есть истина, или — не чувствуешь.

И я сказал ей, что очень её любил. Что, возможно, был слишком глуп, слишком обижен, слишком горд, слишком растерян... Что сам боялся огня того чувства, которое бушевало у меня в груди. И теперь... теперь у меня есть семья, у неё тоже, да ещё есть ребёнок, которого надо любить, о котором надо заботиться.

Серое небо начало сеять как сквозь сито мелкую морось. Мы сидели на мокрой скамейке. Весь мир постепенно намокал, приобретая слёзный вид. Она заплакала. Не громко, не ломая рук, просто и даже естественно слёзы потекли из её покрасневших глаз.

— Прости меня, — вот и всё что она сказала. Потом помолчала немного. Я тоже молчал.

— У меня не всё так хорошо, как ты думаешь, — сказала она тусклым голосом, — сперва нормально было, потом переехали сюда, я забеременела, муж стал изменять, сперва тайно, потом в открытую, хотела развестись, но подумала о ребёнке... И... И я не знаю просто, что делать... Как жить?

Я смотрел на её слёзы, и моё сердце разрывалось от тоски. Я мог бы, наверное, обнять её утешить, поцеловать, возродить в неё старые чувства, дать надежду. Но... Как там сказано? «В одну реку нельзя войти дважды». Она была она, но в то же время

уже не она. И я стал другим. Всё стало другим. Даже город вокруг стал иным. Нет уже тех Челнов, по которым мы гуляли, держась за руки, болтая о всякой ерунде, целуясь и просто наслаждаясь жизнью. Теперь — иная реальность окружала нас, и нам надо было смириться с тем, что в этой реальности у нас нет друг друга. Есть право на память. Есть право на светлую грусть. На остальное — права нет.

— Прости меня, — сказал я, — прости меня тоже. Нам остаётся лишь пожелать друг другу счастья.

Она посмотрела на меня. Всё поняв, она молча встала, глаза её были полны слёз. Я тоже встал. Она обняла меня, рассыпав мокрое золото своих волос по моим плечам и груди. Я обнял её за плечи.

— Желаю тебе счастья! — голос её дрожал.

— Желаю тебя счастья! — эхом повторил я.

Она резко отвернулась и стуча каблучками по мокрому асфальту, огибая лужи, быстро вышла за ворота и скрылась за углом. Я снова сел на скамейку. Поднял лицо к небу, с которого падали капли дождя, смешиваясь с моими слезами.

— Желаю тебе счастья! — прошептал я про себя ещё раз. И ещё одно прошептал я тогда, с тоской постигая всю чудовищность и святость простой истины:

*Боже, как давно это было,
Помнит только мутной реки вода,
Время, когда Радость меня любила,
Больше не вернуть ни за что, никогда...*

3 февраля — 3 марта 2020 г.